

Эшли Дьюал

18+

ДОМОЙ
НЕ ПО ПУТИ

Дом не всегда там, где мы родились

Эшли Дьюал
Домой не по пути
Серия «Young Adult. Инстахит»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61662965*

Домой не по пути: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-116438-6

Аннотация

Не верится, что я это сделала. Мне давно нужно было вырваться из родительского дома, но решилась я только сейчас, и все благодаря человеку, которого всю сознательную жизнь я считала самовлюбленным идиотом! Я запрыгнула к нему в машину, даже не представляя, что впереди меня ждут новые люди и города, музыка, танцы до рассвета и... сильные чувства. Он позволил мне стать частью своего безумия, и я не смогла ему отказать. Черт возьми, неужели после всего, что случилось, в моем сердце действительно осталось место для любви?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	65
Глава 6	75
Глава 7	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Эшли Дьюал

Домой не по пути

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Дьюал Э., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава 1

Я оглядываюсь и вижу улыбающиеся лица, перекошенные от непонятной радости. Чего они хохочут? Странно.

Я оглядываюсь еще раз – вдруг мне чудится. Но нет. Люди, которые сидят рядом, находятся в зале, стоят у трибун, – все лыбятся так широко, что их лица кажутся жуткими и искусственными, будто бы натянутыми на бесстрастные головы манекенов. Я тоже пытаюсь улыбнуться. Дергаю уголками губ, а потом чертыхаюсь.

Никак у меня не получается изобразить радость. Ну и черт с ней! Если говорить о чувствах, то я ощущаю промозглую пустоту, которая, как и погода, меняется внезапно, но портит настроение довольно-таки сильно.

– Реган!

Я недоуменно смотрю на соседку. На ней, как и на мне, квадратная черная шапочка, а еще дурацкая мантия, в которой теряются руки. Я вскидываю брови, мол, чего орешь на весь зал, а она надувает красные щеки.

– Тебя назвали!

Назвали? Я поворачиваюсь и понимаю, что деканша, как и вся ее свита, ждут моего выхода. Как всегда, проспала.

– Реган Б-баумгар-ртен.

Неуклюже подскакиваю, едва не валюсь кубарем из-за треклятой накидки, но каким-то образом сохраняю равнове-

сие и шествую к трибуне. Ну хоть фамилию правильно выговорили. А то обычно Баумгуртен, Ваугратен.

Люди в зале громко аплодируют. Звучит какая-то идиотская музыка, которая мне напоминает тему из «Звездных войн». И вот деканша уже передо мной в своей черной накидке.

– Поздравляю, Реган, – шепчет она мне, когда я пожимаю ее костлявую руку. – Пусть у тебя всё получится, а перемены...

Я отключаюсь. Просто гляжу в эти сморщенные, уродские губы и вспоминаю, сколько раз они отчитывали меня и оплеывали. Я пропускала занятия, потому что не любила ни университет, ни профессоров, ни ежедневное унижение, ко- ему подвергались почти все обучавшиеся на моем факультете. А потом меня вели к деканше, и она, будучи, так сказать, в не очень хорошем настроении – муж бросил ее и ушел к студентке с моего курса, орала и клялась, просто божилась, что никогда не вручит мне диплом, а я сгнию на дне общественной ямы, как гниют яблоки в ее саду.

– Удачи!

– Спасибо, – хриплю я и едва не добавляю: «Безмозглая карга».

Мы расходимся как в море корабли, и я плыву к своему месту, невольно глядя на тех, с кем училась четыре года. Четыре! Я видела их каждый день и терпеть не могла, потому что одна половина любила учебу, не обращая внимания на

те унижения, о которых я уже упоминала, а другая – любила унижения, принимая учебу как нечто неизбежное. Конечно, была парочка людей, с которыми можно было общаться. Но до выпуска дожил лишь один – Кори Гудмен.

Он так же, как и я, не улыбается, оглядывается по сторонам и ни черта не понимает. Ничего, друг, тут просто все спятили, а мы с тобой угодили в их сети.

У него смешные волосы – вьются, как шерсть у барана, но Кори считает, что «как у барана» – это не круто. А круто, как у его старшего брата Уильяма, который, собственно, тот еще баран. Я его почти не знаю, видела пару раз, он носит широкие, просто гигантские штаны, такие же широкие футболки, выкуривает по сто сигарет за день и зарисовывает свои пошлые мысли не менее пошлыми татуировками. Хорошо хоть Кори еще не додумался вывести на своей спине: «Я делаю плохие вещи, но делаю их хорошо».

После меня к деканше выходят еще люди. Она всем жмет руки и улыбается, а я гляжу на эту картину и спускаюсь по спинке стула все ниже и ниже. Когда эта церемония подойдет к концу? Столько стараний ради одной бумажки.

Минут через сорок мы вырываемся из здания. Я всегда мечтала учиться в Йеле, но в итоге проучилась в местном, задрипанном университете, который похож на коробку, брошенную на кривой улице Янгстауна. Я оборачиваюсь через плечо: толпа орущих студентов прет из дверей, будто бы за ней несется горячая, темно-оранжевая лава, и гляжу на это

серо-зеленое здание, проглотившее с потрохами мои «лучшие» годы.

Кто бы мог подумать, что всё будет именно так. В школе я верила в лучшее, считала, что уеду из городка сразу же, как получу аттестат. Что я стану кем-то. Напишу что-то. Сделаю нечто важное. Возможно, прославлюсь. Возможно, по уши влюблюсь. Я выходила за порог школы с надеждами о той жизни, о которой, впрочем, мечтает каждый. Но сейчас я понимаю, что всё это – полная чушь. Находясь в плену собственных предрассудков, ты не способен вырваться на свободу. Верить – верь, конечно. Вот только о реальности не забывай, потому что она о тебе прекрасно помнит. Она размала мои мечты, как сейчас Стейси Роман размазывает сопли по лицу. Ей-то отец уже местечко забил в своей адвокатской конторе. Стейси впору рыдать, ведь больше не придется лизать зад учителям за хорошие отметки. Теперь надо работать. А у меня надежда только на себя, что плохо, ведь я, как вы уже поняли, совсем не добросовестный человек.

Невольно оглядываюсь, ища в толпе родные лица – маму или папу. Не знаю, зачем я это делаю, ведь понимаю, что никто не придет. Но я глупая. Я всегда была глупой.

Есть одно важное правило. Люди считают, что если станут верить в тех, в кого верить не стоит, им обязательно воздастся свыше. Мол, мы меняемся, можно и потерпеть, и понадеяться, и подождать. Но все эти страдания в пустоту – полная лажа, потому что не надо терпеть. Не нужно строить из себя

великомучеников. Если человек дерьмо – он дерьмо, и твоя вера в него ничего не изменит. Она не сделает тебя лучше и не припишет тебе дополнительные баллы, которые ты потом вдруг вытащишь из кармана на Страшном Суде и вручишь Богу.

Сделай себе одолжение – не жди от людей чего-то. Они такие, какие есть, и ты их не исправишь, как бы ни старался и как бы сильно в них ни верил.

Мне кажется, я строю иллюзии насчет своих родителей уже целую вечность. И мне жутко больно, когда они меня разочаровывают, пусть я и не хочу это признавать. Но на самом деле это не их проблема и не их вина. Я сама виновата, потому что я – глупая. Я жду, когда ждать нет смысла, а не они.

Внезапно кто-то наваливается на меня сзади, и я громко чертыхаюсь.

– Сад ты мой цветущий! – верещит мне на ухо Кори и хохочет. Ненавижу, когда он меня так называет. Узнал, что фамилия Баумгартен означает «деревья в саду», и теперь при каждом удобном случае умничает. – Ты чего такая кислая?

– Я сладкая.

– Ммм, еще и колючая. Смотри, Стейси сейчас выплюнет легкие! Она реально ревет или у нее началась аллергия?

– На тебя у нее аллергия, а людям вообще-то грустно.

Я хихикаю, обхватываю друга за плечи, и мы медленно плетемся в сторону моего дома. Живу я рядом, Кори всегда

меня провожает, пусть потом и бежит к своему братику, чтобы посмотреть, как тот девок снимает. Сам-то Кори – монах. Целовался пару раз, да и то с мандаринами. А Уильям – ну просто Вильгельм Завоеватель. Девушек Янгстауна ему было мало, и тогда он пропал на целый год, чтобы переспать со студентками Принстона. Я слышала эту историю уже столько раз, что у меня сводит всё тело, едва кто-то в разговоре упоминает Нью-Джерси.

– Знаешь, я ведь скучать буду.

Я гляжу на смуглое лицо друга и почему-то не хочу шутить. Мы идем по тропинке, по которой шли сотни раз до моего дома, и до меня вдруг доходит, что больше этого не будет. Что Кори Гудмен не проводит меня после занятий, что мы не посмеемся до слез над мусорщиком Бади, который вечно ставит пакеты так, что они валятся вниз и объедки из них выкатываются на дорогу. Кори не расскажет мне истории о своем ненаглядном брате, а я не разревуся на его плече после очередной ссоры с предками. Да, ничего больше не повторится. Всё осталось позади, и мы идем вперед очень медленно, ведь так не хочется заканчивать то, что вроде бы только началось.

Мне становится страшно. Надо быть взрослой, а я еще подросток, который изо всех сил сжимает руку лучшего друга в надежде, что происходящее – неправда и он никуда от меня не денется. Грудь вздымается от горячего воздуха, который застревает у меня где-то в горле. Я прикусываю губу

и наконец отвечаю:

– Я тоже буду скучать.

– А писать будешь?

– Было бы откуда писать, ведь я еще не уезжаю.

– Всё будет в порядке, Реган. Тебя примут в Йель.

– Меня учиться туда не приняли, а тут вдруг стажировать-ся разрешат. – Я говорю уверенно и решительно, хотя внутри надеюсь, что друг прав и у меня получится. – Ты когда уезжаешь? Когда начнется великий тур по местам славы Вильгельма Завоевателя?

– Сегодня вечером. Уилл всё устроил, даже с предками договорился, хотя я знаю, что ему плевать на их мнение. Он в любом случае укатил бы на своем старом «Додже».

– И я укатила бы куда угодно, лишь бы подальше от родителей.

– Да уж. А их не было на церемонии? – Нас оглушает гудок автомобиля, и мы видим, как высунувшиеся из его окон краснолицые ребята, громко крича, размахивают квадратными шапками.

– Да, они не пришли. Но я не удивлена, это было бы дико. В конце концов, там никто не раздавал бесплатную выпивку, так что церемония – отстой.

– Ага, – как-то жалобно усмехается Кори. Когда мы говорим о моих родителях, он не может нормально себя вести, вечно корчится и жметесь, будто у него штаны застряли где-то в промежности. Добрый мальчик. Но сейчас плохо быть

добрым. – Ох, Реган, садик ты мой цветущий, только представь, что мы больше не вернемся на семинары. Что я больше не буду стоять перед твоей дверью в январе, пока ты ищешь свои любимые джинсы...

– ...а я не буду притворяться твоей мамой, когда ты прогуливаешь физкультуру...

– ...и мы не будем зависать в «Френзи»...

– ...ты все равно не любишь эти йогурты...

– ...зато ты любишь.

Он кривит губы, а я крепче его обнимаю, потому что жутко, ну просто нереально его люблю. Кори Гудмен – неотесанный, тихий мальчик, который в первый же день завоевал мое сердце, когда отказался носить университетскую форму, потому что она не просто зеленая, а блевотно-бирюзовая. Я тоже отказалась, и нас отправили к деканше. Меня, Кори и еще одного парня, имя которого не хочу произносить. Там мы с Кори и познакомились, пока ждали эту каргу. Нам всё равно пришлось носить форму, но мы всячески над ней издевались: то я надену юбку как топ, то Кори обрежет брюки под капри.

Неожиданно я понимаю, что мы оказываемся напротив моего серого дома. Запах тут стоит тяжелый – паленой травы и жаркого лета. Дышать сразу становится трудно, но, что странно, отнюдь не из-за этого. Я вновь смотрю на друга и расстроено выдыхаю. Он мнетя и перекатывается с ноги на ногу, будто бы не знает, что сказать. Я тоже не знаю, по-

этому не спешу удивить его красноречивой тирадой, а просто прижимаю к себе.

Кори сцепляет руки за моей спиной.

– Без тебя жизнь будет совсем другой, Реган Баумгартен.

– Ты единственный человек, который так красиво производит мое имя.

– У меня было много времени, чтобы потренироваться.

Я зажмуриваюсь. Сжимаю его узковатые плечи и вздыхаю.

Не хочу признавать, что на глазах слезы. Глупости какие! Я не плакала уже так давно, не разревусь и сейчас.

Отстраняюсь и грозно сжужу брови.

– Пиши мне, услышал? Я, может, никуда не уеду. Останусь тут на веки вечные, а ты пиши. Даже из своего тура, даже потом, когда переедешь в Индиану, в этот, как его, в Ивансвилл.

– Эвансвилл.

– Какая разница!

– Договорились, – кивает он. Поправляет смятую на локте мантию и смотрит мне в глаза открыто, пронзительно и печально, как смотрят, когда прощаются, но не хотят уходить. Кори нервно усмехается. Нервно хлопает меня по плечу. Нервно плетется к противоположному двору и смотрит на меня через плечо. Ему до дома еще минут десять, но я уверена, что идти он будет медленно, чтобы смотреть на меня как можно дольше. – И не вздумай рыдать, Реган! Слышишь?

– Не дождешься, гаденыш! – Я уже кричу, потому что па-

рень всё дальше и дальше, а на глазах эти противные слезы. Черт! Порывисто смахиваю их и широко улыбаюсь. – Я не пророню ни слезы, ясно?

– Заметано!

Он машет мне рукой и скрывается за поворотом.

Пусто. Мне холодно, и я чувствую себя как-то странно. Гляжу на светлую улицу, но не вижу больше знакомых домов, знакомых лиц. Всё кажется чужим. Наверное, стоит пойти домой, а ступни словно вросли в землю. Я так и стою, глядя куда-то вдаль. Возможно, жду, что Кори Гудмен вернется и обнимет меня еще раз, но догадываюсь, что он так не поступит. Он слишком любит меня, а значит, не захочет сделать мне больно. Умный парень, очень хорошо меня знает.

Глава 2

Сколько у вас любимых мест? Обычно их немного. А дом, как правило, на вершине хит-парада.

Я свой дом терпеть не могу благодаря двум факторам: мама и папа. Мать и отец, точнее, потому что трудно выговаривать «папа», когда он смотрит опьяневшими, красными от безумия глазами, или когда просит убраться из дома, или когда недовольно выворачивает руки. С «мамой» проще. Она молчит, ну или орет. Во всяком случае бить она меня никогда не била, поэтому мы с ней вроде как дружим. Отец мне отвесит пощечину, она закроет ладонями лицо, а потом мы сидим на кухне, и я слушаю, как же ей больно, хотя лицо саднит у меня, а не у нее.

Дом у нас небольшой. Вообще, он мог бы стать очень прикольным, уютным и что там еще бывает с домами, в которых живут, а не выживают. Но у нас мало денег, и потому крыльцо разбито, а на ступеньках видны прогнившие трещины. Иногда по ночам, когда завывает ветер, я слышу симфонии Бетховена и прелюдии Шопена, хотя, конечно, ни Бетховена, ни Шопена ветер еще не научился играть достойно.

Почему-то, думая о родителях, я вспоминаю школу. Друзей у меня никогда не было много, а в старших классах я полностью отгородилась от ребят, и не потому, что не хотела с ними общаться, а потому, что стыдилась своих предков.

Часто, возвращаясь домой, я видела отца, разгуливающего по кварталу с липким от пота лицом. Его ноги заплетались, будто змеи, он отпускал дикие ругательства – смело и отважно – невидимым врагам и чьим-то теням. Он пил так много, что даже меня не узнавал, и, когда я пыталась довести – донести – его до дома, отбивался и не щадил свое горло, разрывая воздух криками и бранью. Я понимала: будь у меня друг, я не смогла бы привести его домой, ведь кто знает – отец уже пьян или еще не дошел до кондиции.

Что ж, в школе, как известно, мнение окружающих играет огромную роль, потому-то я и закрылась в себе. Стала «трудным подростком из не очень благополучной семьи», и если сначала я отталкивала людей, то потом они сами перестали со мной общаться.

В университете стало немного проще, потому что я наконец научилась жить самостоятельно, а не страдать фигней вроде самобичевания и тотальной отчужденности. Уверена, Кори Гудмен вовремя появился в моей жизни и доказал, что даже у потерянных социопатов есть возможность найти друга.

Я захожу в дом и прислоняюсь спиной к закрытой двери. Прикрываю глаза. Не люблю, когда меня называют нищеводкой – а в университете это практически стало моим вторым именем, но глупо отрицать очевидное.

Знаете, я думаю, что у бедности есть запах. Она пахнет сыростью, алкоголем и потом. Бедные люди не в состоянии по-

чинить трубы, потому-то стены и потолки в их домах покрываются плесенью. Бедные люди не способны вынести трудности, они лишь заглушают происходящее крепкими напитками. Бедные люди живут так, словно время – их верный союзник, как будто оно остановилось, а не течет с дикой скоростью. Они живут час, тогда как проходит несколько месяцев. Они живут день, тогда как проходят годы.

Вариться в этом соку без особого запаха трудно, и меня выворачивает наизнанку от того, как воняет вся моя одежда, как воняет моя комната, как воняет двор перед домом. Я знаю, кто я такая, знаю, кто моя семья. Хочу вырваться, но жизнь – подлая тварь – вертит передо мной задом и ржет до коликов, потому что мало трагедии в счастье. Ей интереснее наблюдать, как бедный муравей корчится под безжалостной лупой.

Дома никого нет. Я недоуменно хмурю брови, а потом выдыхаю, потому что, как бы паршиво ни было, дышать приходится. Наверное, в этом и есть суть – дышать тогда, когда дышать больно. Люди ищут великий смысл, но, возможно, за смысл нужно принять то, что нам в определенный момент нужно. Даже смешно как-то. Спросите меня, в чем смысл жизни. И я вам отвечу: в том, чтобы дожить до завтра. И так каждый день. Неглобально как-то, верно?

Я стягиваю кроссовки и бросаю мантию на скрипучий стул. Плетусь на кухню, то и дело посматривая по сторонам. Предков нет, надеюсь, они и не вернуться. Ушли за пивом и

позабыли путь домой – вот такую историю я бы прочитала. Знаю, паршиво так говорить о тех, кто меня вырастил, но трудно нормально относиться к родителям, когда они не хотят нормально относиться ко мне. В детстве еще прощаешь всякие глупости, не замечаешь очевидных вещей, но сейчас глупо закрывать глаза. Да, предки играют большую роль в моей жизни, но не хорошую, к сожалению. Они, скорее, мои вечные антагонисты.

Наливаю себе стакан воды и принимаюсь жарить яичницу. На кухне становится душно. Я и не знала, что так проголодалась. Набрасываюсь на обед как ненормальная и смотрю дешевое шоу по телику, пачкая пульт жирными пальцами. Если честно, иногда я понимаю, что хочу слишком много. Жалуюсь на то, что мои родители неотесанные алкоголики, тогда как сама похожа на их отпрыска по всем пунктам. Но в глубине души я убеждаю себя, что я еще не потеряна. В конце концов, Кори дружит со мной, хотя живет в чудесной семье. Его родители – врачи, получают кучу денег, но он никогда не воротил от меня нос и не относился ко мне предвзято. Может, конечно, он просто такой человек. А может, и я еще не свалилась на дно той самой общественной ямы, о которой мне рассказывала деканша.

Приподнимаю стакан с водой и хмыкаю: «С окончанием университета, Реган!» Теперь ты свободна. Ну относительно. Освободилась от одного, погрязла в другом.

Проходит много времени, прежде чем входная дверь рас-

пахивается. Я вяло и сонно вздрагиваю, понимая, что уснула прямо на кухне, опустив голову на руки, и растерянно оглядываюсь. Что это меня так сморило?

– А ты возьми и попробуй так жить, тупая идиотка! – воет отец, и я узнаю в его голосе те самые нотки, после которых мне непременно попадает. Дверь хлопает, мать тут же раздражается плачем, а пол сотрясается от тяжелых шагов. – Чего ты реवेशь?

– Я не реву, я не...

– Задолбала со своими психами!

– Хватит на меня орать!

– А ты прекрати истерить! Иначе...

Отец недоговаривает, потому что входит на кухню и видит меня. Я не помню, как он выглядел до того, как начал пить. Сейчас он сморщенный, как апельсиновая кожура. У него старая, сероватая кожа, всегда обветренная. Квадратный подбородок зарос, а на скрученных коротких волосках застыла пена от пива.

Он смотрит на меня и рявкает:

– Чего ты здесь забыла?

Обычно я молчу. Отец и не ждет, что я отвечу. Но сегодня мне хочется что-то сказать, может, потребность какая-то в опеке появилась, поэтому я отрезаю:

– Я диплом получила. Вон. – Киваю на стол. Документы валяются под квадратной шапкой. – А вы где были?

– Не твое дело.

Он тянется к холодильнику за пивом, и в этот момент вваливается мама. Я нехотя перевожу на нее взгляд и вижу то, что и всегда: размазанные кричащие тени, полопавшиеся сосуды глаз, помада размазалась на пол-лица. Она порывисто смахивает слезы и тихо шипит себе что-то под нос, наверняка проклинает этот день, этого мужчину, этот дом. Но не думаю, что папе интересно. Захлопнув холодильник, он открывает банку с пивом – та щелкает с пронзительным звуком – и поворачивается к маме лицом.

– Чего уставилась?

– Ты не должен был рассказывать обо всем Сьюзи. Не должен выставлять нас...

– Я буду делать то, что хочу, рот закрой, ясно? – Он взмахивает рукой, пиво льется на пол, а я крепко зажмуриваюсь. – Ты трахалась с ее мужем и со мной трахалась. Ты со всей школой трахалась, Мэндис, поэтому просто закрой свой рот и не капай мне на мозги, уяснила? Ты поняла?

– Натан, прекрати, прекрати орать! Прекрати!

Они взывают, как дикие животные, а я незаметно поднимаюсь из-за стола и бреду к выходу. Не могу это слушать, не могу там даже находиться. Бывает, тебя мутит от одного лишь звука чьего-то голоса. Именно так я переношу голос отца: ядовитый и хриплый, как у заядлого курильщика.

Собираюсь подняться к себе в комнату, как вдруг замечаю у двери стопку писем. Не знаю, что на меня находит. Ор за спиной превращается в тихое жужжание, которое сейчас не

имеет никакого значения.

– Вот черт, черт! – Я пулей бросаюсь к двери. Падаю на колени и дрожащими пальцами перебираю конверты. Счета, счета, счета...

«*ЙЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ*».

На конверте расписными огромными буквами вычерчен девиз университета:

Lux et Veritas – «Свет и Истина».

Я буквально задыхаюсь, попросту не могу дышать. Наверное, так себя ощущают те, у кого решается очень многое. Такой важный момент, а я даже языком пошевелить не могу. Разглядываю листок и не понимаю: что это? Шанс? Цель? Тот самый смысл?

Разрываю конверт и достаю письмо. Глаза моргают часто-часто, и я боюсь, что взлечу ненароком, но я не взлетаю. Я опадаю, как опадают листья осенью. Или как с неба на нас валятся дождевые капли. Или как бомбы, которые бросают на жилые дома. Я опускаю руки, а взгляд поднимаю вверх, как будто ищу ответ где-то там, над головой. Но я его не нахожу.

«Уважаемая мисс Реган Анна Баумгартен,
мы рассмотрели ваше предложение и вынуждены его
отклонить.

С наилучшими пожеланиями,
Мэрилин Итон».

Не знаю, что хуже: то, что меня сочли неподходящей кан-

дидатурой, или то, что меня навсегда заперли в этом месте. Янгстаун – мой дом, моя клетка.

Неожиданно до меня доходит, что всё кончено. Что я навсегда здесь останусь и буду свидетелем этих скандалов вечно, и я стану слушать этот ор и купаться в этой вони – и ничего не изменится. Никогда.

– Что это у тебя? – взывает отец за спиной. Он вырывает конверт из моих рук так быстро, что я даже не успеваю среагировать. Испуганно оборачиваюсь, а у него уже не лицо, а рожа, налитая злостью. Из ноздрей вылетает горячий воздух. – Какого хрена?

Он переводит на меня желтоватый взгляд. Только дети алкоголиков поймут, что я имею в виду. Желтый взгляд, не в плане, что его глаза наливаются огнем. Просто глазные яблоки кажутся изношенными, мутными и грязно-желтыми, как цвет пива, которым отец наливает себе брюхо.

Хотите верьте, хотите – нет, но ответить мне нечего. Я просто смотрю на него, а он – на меня, и это самый долгий зрительный контакт, который произошел у нас за год или за два. В конце концов, он делает то, что всегда делает. Размахивается и хорошенько ударяет меня по лицу. Я теряю равновесие и падаю. Отец хочет еще раз ударить меня, но внезапно появляется мама. Она накидывается на него со спины.

– Не надо, Натан, не надо! – ревет она не своим голосом. – Ты покалечишь ее!

– Убери руки, Мэндис!

– Пожалуйста, прошу тебя...

Отец отталкивает мать. Она тоже валится на пол, и я вижу, как она погружает лицо в свои ладони, как в океан, разразившись громким плачем. Мои пальцы сжимаются в кулаки. Я вскакиваю, прыгаю на отца, но он даже не обращает внимания. Молочу по его спине ладонями.

– Оставь нас в покое, убирайся, уходи!

Папа оборачивается. Перехватывает мои кулаки одной рукой и переспрашивает:

– Что?

Кричать в спину легче, чем кричать в лицо, – это точно. Но я все равно отвечаю и не знаю, зачем это делаю. Смелой стала и глупой? А может, разозлилась после того, как получила отказ, после того, как попрощалась с другом, после того, как стояла на ступеньках университета и ждала семью, которой у меня нет.

– Уходи, оставь нас! Ты подонок, пап. Я тебя ненавижу.

Мои слова задели бы его, если бы он испытывал что-то кроме ярости. Тем не менее в его глазах определенно мелькает какая-то эмоция, правда, она такая же невзрачная, как и одежда, которая на нем висит. Отец обрушивается на мои плечи свои гигантские ладони, я вздрагиваю от их тяжести, горблюсь, и уже через пару секунд оказываюсь за дверью. Скатываюсь по ступеням и обрушиваюсь на прохладную к вечеру землю.

Отец кричит какие-то ругательства. Подбегает ко мне и

пинает ногой. Я взлетаю и падаю вниз. Снова подлетаю и падаю вниз. Лучше бы я смолчала, но теперь уже поздно врать и говорить, что он лучший папа в мире.

В какой-то момент его нога ударяет меня не в живот, а в лицо. Я слышу хруст, ощущаю взрыв между висков, вспышку красок и еще какой-то дряни, из-за которой закладывает уши, и выпускаю громкий стон.

Натан Баумгартен бил меня, но он никогда не позволял себе ничего подобного. Мне вдруг кажется, что он никогда не остановится, и только потом я понимаю, что валяюсь на земле уже несколько минут в полном одиночестве. За тонкими стенами нашего дома пищит мать, гроыхает мебель, бьется посуда, а я валяюсь в грязи и прерывисто дышу.

Надо встать. Я поднимаюсь, кренюсь. С трудом выпрямляю спину и гляжу перед собой, не зная, что делать. Зайти обратно? Пожалуй, я повременю с этим.

Протираю лицо и вижу на пальцах кровь. Кажется, он попал мне по носу. Пытаюсь вдохнуть – вроде получается, а значит, всё не так уж и плохо.

Я пытаюсь улыбнуться, а по щекам катятся слезы. О да, только и осталось, что реветь, правильно. Дергаю головой и чувствую, как от боли на глаза падает темное покрывало, меня качает, я чуть не падаю. Прекрати реветь, надо взять себя в руки, надо успокоиться, надо...

Хлопаю ладонью по губам и морщусь от боли, согнувшись пополам, как от удара в живот. Стоит мне только подумать,

что надо пересечь порог этого дома, как меня тут же затрясло, как от горячки. Словно вирус, по моим венам проносится не просто злость, а отчаяние, ледяное и удушающее, и я не могу нормально дышать.

Неожиданно за моей спиной раздается визг тормозов. Кто-то выкрикивает мое имя, я неуклюже оборачиваюсь, опустив по швам руки.

– Реган?

Из окна высокого черного джипа на меня во все глаза пялится Кори Гудмен. Что он здесь делает? Сначала я вообще думаю, что он мне привиделся. В конце концов папа мне круто зарядил по лицу. Может, я рассудка лишилась? Но видение оживает, и парень выпрыгивает из машины, будто ужаленный.

Кори несется ко мне со всех ног. Он замирает в паре метров и громко выдыхает. Не знаю, что именно его так шокирует: то, что я реву, или то, что у меня кровь.

– Какого...

Он недоговаривает. Приближается ко мне и качает головой. Если начистоту, он вряд ли может меня понять. Кори не представляет, что я сейчас ощущаю. Он думает, мне нужна его поддержка, нужны его объятия. А мне нужно, чтобы он ушел.

Мне так стыдно, что хочется провалиться сквозь землю.

– Реган, когда это произошло?

– Почему ты еще не уехал?

– Я уезжаю.

– А здесь что делаешь?

– Хотел проехать по этому кварталу напоследок. Какая, блин, разница? – Кори делает два шага и оказывается прямо передо мной. – Идем!

– Куда?

– В полицию.

– Его не накажут.

– Накажут.

– Нет. – Я шмыгаю носом и отступаю назад, не зная, как себя вести. – Папа дружит с шерифом. Это бессмысленно. К тому же я совершеннолетняя.

– И что? – громко спрашивает парень. Неожиданно раздается громкий неприятный звук. Я смотрю другу за спину, а сидящий за рулем незнакомец с силой давит на гудок. – Эй, просто на меня смотри, о'кей? Они подождут.

Перевожу взгляд на Кори.

– Я разберусь.

– Ни хрена не разберешься! Пошли к моим родителям, они помогут.

– Зачем? Слушай, я не хочу вас втягивать. Тебя ждут. Иди! – Я выдавливаю страдальческую улыбку, но не могу удержать ее на лице и снова сгибаюсь. – Тебя это не касается, понятно? Тебя здесь вообще быть не должно.

Машина вновь сигналист, и тогда Кори оборачивается и орет во все горло:

– Заткнись, Уилл!

Не помню, чтобы он так разговаривал с братом. Обычно он ему поклоняется, а тут даже голос повысил. Видимо, я действительно шокировала его своим видом.

– Не мое дело? – спрашивает парень, оторопело глядя на меня. Он жалобно дергает губами и отворачивается. – Ублюдок! Какого хрена! Как ты вообще здесь живешь, черт!

Столько ругательств за один раз? Да Кори, кажется, не в себе. Я усмехаюсь.

– Смешно? Ну конечно, давай поржем, Реган.

– Ничего не смешно, просто это мои проблемы.

– У тебя лицо разбито!

– Серьезно?

– Хватит, Реган, иначе я накостыляю тебе в дополнение к тому, что уже имеется.

– Меня в Йель не приняли, – почему-то сообщаю я. Не думаю, что сейчас подходящий момент для разговора по душам, но слова сами срываются с языка.

– Что? – глухо переспрашивает Кори.

– Ага. Я узнала минут пятнадцать назад.

– Черт, Реган...

– Сегодня мой день! – Хочу взмахнуть руками, но шею сводит, и я передергиваю плечами. Кори собирается что-то сказать, но неожиданно громыкает дверца, и мы замираем.

Я вижу, как на нас надвигается чья-то тень. Вскоре она приобретает очертания высокого широкоплечего парня, с

которым мне уже доводилось видаться, но с которым я не желала бы вновь пересечься.

Уильям Гудмен останавливается передо мной с недовольной миной. В зубах у него торчит сигарета, волосы взлохмачены, как у породистого командора, а в глазах полыхает нетерпение, такое же колючее, как и кожаный браслет на руке, утыканный серебристыми шипами. Мило. Я скептически морщу лоб, оценивая его безделушку.

– Чего так долго? – спрашивает он у Кори, не обращая на меня внимания. – Торчать здесь нет времени.

– Подожди, Уилл, мне надо разобраться.

– С чем?

– С ней.

Кори указывает на меня, и Вильгельм Завоеватель наконец переводит на меня свой затуманенный взор. Мне кажется, он под кайфом. Зрачки у него черные и гигантские.

– Напоролась на дверь? – шутит он и внезапно приподнимает пальцами мое лицо за подбородок. Изучает мой окровавленный нос и, несмотря на то что я вырываюсь, стоит ровно, по-прежнему стискивая в зубах сигарету. – Жить будет. – Он опускает руки и вновь смотрит на брата. – Теперь мы можем идти?

– Чувак, ей помощь нужна.

– Ничего мне не нужно, – защищаюсь я.

– Поехали с нами!

– Что? – восклицаем мы с Уиллом одновременно. Парень

усмехается. Наклоняется над братом и выдыхает облако сероватого дыма ему в лицо: – Она не поедет.

– Я ее не оставлю.

– Тогда и ты не поедешь.

– Да в чем проблема, Реган? – Кори смотрит на меня. – Давай, ты ведь хотела укатить отсюда, верно? Забей на предков, поедем с нами.

– Я не могу.

– Очень жаль, – театрально вздыхает Уилл.

– Я не оставлю тебя, Реган!

– С ума не сходи, поезжай уже.

– Чтобы отец опять из тебя дух вышиб? Не только лицо тебе разбил?

В какой-то момент мне кажется, что Уильям Гудмен всё же переводит на меня взгляд. Горло першит. Я неохотно поднимаю ресницы и встречаюсь с ним глазами. Не знаю, почему он вдруг смотрит на меня. Наплевать. Покачиваю головой:

– Нет, я не могу.

– Реган...

– Кори, прошу тебя, поезжай. Мне не нужна твоя жалость, правда, я сама со всем тут справлюсь, веришь? – Потираю руками лицо и откидываю назад волосы. – Веришь?

– Я даю тебе пять минут, – внезапно отрезает Уилл.

Он откидывает окурки, выдыхает дым и тушит сигарету носком темных ботинок. Я перевожу на него взгляд.

– Что?

– Два варианта: или ты едешь с нами, или возвращаешься

– и тебе доламывают нос.

– Еще скажи, что сесть в машину с тобой и укатить непонятно куда безопаснее.

– Безопаснее? Нет. Разумнее – возможно.

– Разумнее? – Я скрещиваю руки на груди и спрашиваю: –

Ты серьезно?

– Три минуты.

– Ты ведь шутишь...

– Реган, решайся! – взывает Кори. Он хватает меня за руки и встряхивает изо всех сил, да так, что боль прокатывается по всему моему телу. – Тебе здесь нечего делать.

– Но у меня нет денег.

– Разберемся.

– Каким образом? Уилл, ты же не хотел меня брать, ты же...

– Я передумал.

Парень направляется к моему дому. Он скидывает с плеч широкую куртку, бросает ее на гнилые ступени и открывает дверь.

– Что ты делаешь? Остановись! – Я несусь за парнем. – Уилл, прекрати, ты нарвешься на моего отца! – Я хватаю Гудмена за руку и резко поворачиваю к себе. – Я ведь еще ничего не ответила, я не согласилась.

– Ты правда так думаешь? – Его глаза испепеляют меня.

Он вскидывает брови, а я не знаю, что ответить. Так и плююсь на него. – Если бы ты не захотела, мы бы уже давно уехали. Не трать наше время.

– Ты нарвешься на неприятности!

– В этом и смысл.

Его лицо озаряет кривая ухмылка, пробирающая до костей, и я внезапно понимаю, что Уильям Гудмен – источник огромных проблем. Даже находясь далеко от эпицентра неприятностей, он умудряется попасть в гущу событий.

Парень распахивает дверь и тянет меня за собой. Я ничего не понимаю. Не смотрю на мать, на отца, просто поднимаюсь по лестнице, пока Уилл подталкивает меня вперед своими крепкими руками. Вваливаюсь в комнату, нахожу сумку.

– Ты кто такой, мать твою? – залетая в мою спальню, орет отец. – Ты что делаешь в моем доме? Какого хрена ты...

Он надвигается на Гудмена, будто цунами, но Уилл отпихивает его. Отец покачивается от толчка, а мать взвизгивает от ужаса. Я зажмуриваюсь, приказывая себе не смотреть на них, пусть в груди щемит и ноет. Наплевать, наплевать.

– Что происходит, Реган? – кричит мать. – Ты куда собралась?

– Она отдохнет немного, – отвечает за меня Уилл. Он смотрит на отца, на то, как тот корчится, держась пальцами за ребра, и достает новую сигарету. Закуривает. – Будете?

Мать хлопает мокрыми от слез ресницами. Папа предпринимает очередную попытку кинуться на парня, но у него ни-

чего не выходит.

– Готова?

Я не отвечаю, потому что я не готова. Застегиваю молнию и подхожу к Уильяму. Он криво улыбается и пропускает меня вперед. Мы выбегаем из дома, Уилл поднимает со ступеней куртку и накидывает ее на плечи. А я гляжу на него и ни черта не понимаю. Двигаться еще больно, но я все равно иду, будто бы этот парень умеет лечить одним своим безумием.

– Вот тебе первый урок, птенчик, – обращается ко мне Уилл, вытащив сигарету. Выдыхает дым, не спешит говорить дальше, пробуя на вкус никотин, разрушающий его молодость. – Дом не всегда там, где мы родились. И близкие не всегда те, с кем мы живем. Поэтому ты особо не расстраивайся. Еще успеешь нарыдаться, жизнь позаботится об этом.

Не знаю почему, но я киваю. Уильям открывает мне заднюю дверь, и я оказываюсь там, где не ожидала очутиться.

Глава 3

Ярко-красные волосы Тэмзи Пол развеваются на ветру, будто бы костер, пылающий и искрящийся от вмешательства капризных струй прохладного воздуха, рвущихся сквозь полуоткрытое окно «Доджа». Тэмзи кладет ноги на приборную панель, кидает в мою сторону косо́й взгляд и отворачивается.

– Мы с улицы брошенных зверьков не подбираем.

О Тэмзи Пол мне известно столько же, сколько о современном искусстве. Городок не мог прийти в себя после того, как она – дочка мэра – пыталась покончить с собой, и не просто выпив таблетки, повесившись или перерезав вены, а бросившись с крыши их, как бы так сказать, большого особняка. Она пролежала в коме несколько месяцев, потом вдруг очнулась и пустилась во все тяжкие. Перекрасила волосы в огненно-рыжий цвет, научилась пользоваться бордовым карандашом и подводкой. Хотя научилась ли – вопрос, конечно, спорный. Поправилась на пару килограммов, забросила учебу, друзей и все то, что для нее имело значение.

Если честно, я считаю, что у каждого человека есть причины ненавидеть эту жизнь. Но выбор Тэмзи Пол был мне непонятен. Ее мать – добрейшая женщина – посвятила свою жизнь благотворительности и церкви. Ее отец – самый богатый человек в Янгстауне. Я не исключаю того, что жизнь

за порогом красивых домов отличается от той, которую нам пытаются втюхать, заливая о деньгах, роскоши и развлечениях. Но неужели у нее совсем не оставалось причин жить?

В любом случае знаменитой она была, когда я еще выпускалась из школы. Уже лет так пять я ничего о ней не слышала, и вот она сидит на переднем сиденье «Доджа» и смотрит на меня своими раскосыми глазами обсидианового цвета.

– Привет! – нахожусь я.

Я чувствую себя по-идиотски. Машина огромная. С одной от меня стороны – Кори, с другой – улыбающийся светловолосый парень, похожий на довольного медведя. Лицо у него разукрашено роем веснушек, а брови кажутся практически белыми.

– Я Джесси!

Он улыбается еще шире и крепко пожимает мою руку. Пальцы у него длинные, но шершавые и все в мозолях. Я недоуменно киваю. Происходящее похоже на сон.

– Реган.

– Классное имя!

На водительском сиденье Уилл. Его пальцы едва дотрагиваются до руля, хотя мы едем с огромной скоростью. Ветер в «Додже» гуляет, как в пустыне. Мои волосы путаются и падают мне на лицо, сколько бы раз я ни пыталась заправить их за уши.

Все молчат.

Никто не спрашивает меня о моей жизни, не спрашива-

ет, откуда взялась кровь на подбородке. Лишь ветер свистит и гуляет между нами, являясь единственной связующей нитью. В какой-то момент Уильям врубает музыку, и я устало валюсь на плечо Кори, как на спасительную подушку, прикрыв глаза.

Я еле сдерживаю слезы и слушаю музыку, которая, как мне кажется, пробирается внутрь моих мыслей. Такое иногда бывает: обычный трек оказывается твоей темой, которую обязательно крутили бы в фильме, если бы ты был его главным героем. Мне нравится это слияние – играет та самая песня, в тот самый момент.

Тэмзи Пол больше не смотрит на меня. Наверняка выбросишь при встрече – традиция, и люди поступают так уже не осознанно, а просто потому, что надо.

– Мы отстаем от графика, – говорит Тэмзи, и я слышу, как Уильям выдыхает дым от очередной сигареты с глухим свистом.

– Нет у нас графика, есть наметки.

– Значит, наметки – к черту. Мы в Эри хотели попасть до девяти вечера, чтобы снять комнату, пока не стукнет полночь. Но уже восемь.

– Придется ехать быстро.

– Куда быстрее, – ворчит Кори и ерзает на сиденье. Из-за этого моя голова падает с его плеча, и я нехотя выпрямляюсь. – И так ведь гоним.

– Мы плетемся, – смеется старший Гудмен, – я просто не

хотел тебя шокировать, вот и давил на тормоз. Но раз Тэмми говорит, что мы сбились с «графика», мы должны прибавить газу. С Тэмми ведь не поспоришь, верно, Тэмми?

– Да куда торопиться? – продолжает возражать Кори. – Мы ведь сами себе хозяева.

– Я – твой хозяин, – пропевает Тэмзи и оборачивается, встряхнув огненно-рыжими волосами так, будто она снимается в рекламном ролике шампуня. – В девять мы должны припарковаться у аэропорта Эри.

Неужели она бросилась с крыши?

– И почему именно у аэропорта?

Да еще и в коме пролежала.

– Потому что я так сказала.

Интересно, белый шрам, пересекающий ее тонкую, темную бровь – следствие того незабываемого полета? Как она вообще решилась на этот ужасный поступок?

– Ты как заноза в заднице, – заключает Кори и покачивает головой.

– Я педантичная заноза, котик, и если мы договорились в девять приехать в Эри – мы приедем в девять в Эри.

Кори закатывает глаза, а Уилл разводит в стороны руки: мол, с ней ведь не поспоришь, что уж тут. В этот момент я понимаю, что мы летим по трассе со скоростью семьдесят пять миль в час, а Уильям – мать его – Гудмен не держит чертов руль. Мои глаза расширяются, и я резко подаюсь вперед.

– Эй, котик, за дорогой следи!

– Котик? – Теперь Уилл еще и вперед не смотрит, а смотрит на меня своими серыми, отчасти голубыми – не берусь судить, в салоне темно – глазами, полными неги и легкомысленности, которая свойственна лишь тем, кто уже успел всё потерять. Тот, кому есть что терять, никогда не посмотрит на жизнь такими глазами: смелыми и яркими, как искры. – Ты назвала меня котиком?

– Что?

– Как ты меня назвала?

– Какая разница, не гони так. И смотри на дорогу, справишься?

– Нет, подожди, – парень поворачивается спиной к рулю и приподнимает ладони, – не думаю, что мне послышалось.

– Какого черта ты творишь?

– Уилл!

– Ты хотела сказать котик?

– Нет, блин, тортик!

– Уилл, сядь нормально! – взывает к брату Кори. – Я не хочу умереть, мы ведь еще даже из штата не выехали.

– Какая разница, где умереть, – пожимает плечами Тэмзи, – всё равно ведь умрешь.

– Отлично, сказала девушка, спрыгнувшая с крыши. Чувак, следи за дорогой!

– Я и так за ней слежу, просто мне захотелось узнать, послышалось мне или нет.

– И что, если не послышалось, что? – спрашиваю я, когда

Гудмен лениво переводит взгляд на дорогу. Неожиданно я понимаю, что угодить в неприятности в компании этих ребят куда проще, чем наткнуться на отца в плохом настроении. – Что ты сделаешь?

– Скажу, что не надо меня так называть.

– И почему?

– Потому что тогда я тоже придумаю тебе прозвище. Людям лень называть тебя по имени, и они придумывают какую-то чушь. Но чем мое имя хуже? Если хочешь со мной поговорить, называй меня Уилл или Уильям, или мистер Гудмен.

– Мистер Гудмен? – усмехаюсь я. – Отлично! Но ты назвал меня птенчиком.

– И что?

– А это не прозвище?

– Ну мне действительно лень произносить твое имя. Не обижайся! Оно идиотское. Я не встречал девушек с именем Реган. Что это вообще за имя? А Уилл – нормальное такое.

– Это ты еще не слышал мою фамилию.

– Там еще хуже?

– Гораздо.

– Реган – классное имя, – вставляет свои пять копеек Джесси и замолкает, так и продолжая улыбаться, будто у него не все дома.

– Он – поэт, – поясняет Кори, но мне все равно ничего непонятно. – И музыкант. Кажется, в багажнике только его

вещи и валяются. Гитара в ободранном чехле, ноты.

– Вы давно знакомы? – спрашиваю у Джесси и прижимаю пальцами пульсирующий нос. Он до сих пор жутко болит. – С Уиллом.

– Целую вечность. Месяца два, наверное.

– Большая же у вас вечность.

– В пути время идет иначе, – встревает в разговор Уилл, – часы превращаются в недели, а недели – в месяцы.

– Я не у вас спрашивала, мистер Гудмен.

Уильям ничего не отвечает. Я вижу, как дрогнули его губы, и вновь смотрю на Джесси. У этого парня не волосы, а катастрофа. Уши проколоты, а веснушки похожи на картинки, которые нам втюхивают психологи.

– В ночи они гнались за тем,
Чего не видели, но ждали,
И как бы ни манили дали,
Нет больше света в слове «свет».
И был бы в этом мой ответ,
Но нет.

– Что? – Я хлопаю ресницами.

– Очередное «ничего» от Бонда, – ворчит Тэмми. – Джесси Бонд, никто тебя не понимает, когда уже до тебя дойдет?

– Ты это сам придумал? Только что?

– Музыка – это ведь тоже стихи, – задумчиво произносит парень, – я не думаю, я просто говорю, а строчки, как такты,

выстраиваются самостоятельно.

– Это интересно.

– Я так выражаю то, что чувствую.

– И надоедаешь всем прилично, – усмехается Кори. – Как-то он сказал мне: *«И даже если ты уйдешь, ты ничего не потеряешь, скорей, тогда ты пропадешь, когда решишь, что ты уйдешь»*. И что это, твою мать, значит?

Я усмехаюсь.

– Понятия не имею.

– Зато я все понял, – говорит Уильям. Он опять курит и опять говорит неторопливо и уверенно, как говорят люди, не сомневающиеся в собственной правоте, причем даже тогда, когда несут полнейшую чушь. Лицо у него делается умным, глаза сужаются, а уголки губ подрагивают от легкой ухмылки. – Человек всё теряет не в тот момент, когда уходит, а когда решает уйти, птенчик. Понимаешь? То есть твоя жизнь рушится от мыслей, потом ты бросаешь всё, действуешь и так далее, но в тартарары всё валится от осознания. Едва ты понимаешь, что тебе это не нужно, как оно тут же становится ненужным, и не важно: ушел ты уже или еще уйдешь.

Тэмми отнимает у парня сигарету и затягивается.

– Я должна спросить у нее.

– У меня? – Я верчу головой, глядя то на Кори, то на Уильяма. – О чем спросить?

– Это важный вопрос, подумай, прежде чем отвечать, о'кей? – Тэмзи Пол порывисто наклоняется ко мне. Глаза у

нее дикие. – Ты нашла Иисуса, Реган Баумгартен?

– Что?!

– Тэмми, прекрати!

– Пусть ответит! Ты нашла Иисуса или нет?

– А он что, потерялся?

Девушка выпрямляет плечи и медленно расслабляется, позволив своему лицу стать не просто милым, но и довольным. Она вдруг улыбается.

– Отлично, ты прошла тест.

– А это был тест?

– А ты думала, тебя примут без вступительных экзаменов? – Уильям отнимает у Тэмзи сигарету и затягивается. – Мы ведь вольны выбирать, верно? Может, ты нам не нужна, птенчик. Хотя нет, я неправильно выразился. Может, ты испортишь нам поездку, как и мы тебе ее испортим. Понимаешь? Это цинично в каком-то смысле, но надо смотреть правде в глаза. Люди хороши в ненависти друг к другу, так зачем нам создавать подобные ситуации, а? Лучше удостовериться, что ты наш человек.

– Удостоверились?

– Это только первый тест.

– Классно. А как мне вас проверить?

– Да как хочешь.

– Как хочу?

Уильям кивает, и я на секунду задумываюсь.

– Пусть каждый назовет любимую книгу.

– Сразу в сердце метишь, Реган, – усмехается Кори, – учтите, она дерется, если кто-то обижает ее любимых авторов.

– Мы не из пугливых, – ворчит Тэмзи. – Книги, кстати, не только читать можно. Их можно жечь, складывать в красивые рядки на полках, выставлять в алфавитном порядке.

– Скорее всего, именно этим сейчас многие и занимаются, потому что гораздо легче закупить книг для красоты в комнате, чем для красоты в душе.

– Красоту в душе трудно заметить, – продолжает девушка с красными волосами.

– Знаешь что, – выдыхаю я, – ты не прошла тест, Тэмзи.

– О какая жалость.

– «Потерянный рай» Джона Милтона, – говорит Кори, – ну ты и так знала.

– Скука! Ты старый, как сиденья в этой машине! – смеется Уильям.

– Как мои джинсовые шорты, – добавляет Тэмзи Пол.

– Как мир, – заключает Джесси.

Я подмигиваю другу. «Потерянный рай» – сложная поэма, и осилить ее сможет только тот, кто ценит литературу.

– Я люблю стихи, это странно, да? – спрашивает Джесси Бонд. Он не знает, куда деть свои руки, и в итоге складывает их на груди. – В стихах больше драмы, чем в прозе.

– Думаешь?

– Короткие предложения, связанные по смыслу, скован-

ные не просто единым контекстом, но и общей мелодикой. Стихи пишут единицы, а прозу – тысячи.

– Но не всю прозу можно читать, – я пожимаю плечами. Мне нравится, что мы обсуждаем книги, а не вырез на груди Тэмзи Пол, который такой смелый, что в нем можно было бы запросто утонуть, как в море. – Иногда возникает ощущение, что ты не книгу читаешь, а обмазываешь себя грязью, ну или выливаешь себе на башку малиновый сироп.

– Не любишь любовные романы? – Уилл протягивает мне сигарету, но я качаю головой. Тогда он вновь затягивается. – А на вид вроде девчонка.

– Я не верю им.

– Девчонкам?

– Любовным романам.

– Почему же?

– Потому что в жизни всё иначе. В жизни люди вырастают и превращаются в тех, кто разрушает всё, кто пьет, не просыхая, кто распускает руки и воняет, как кусок дерьма.

Я почему-то вспоминаю о маме. Знала ли она, с кем водится? По кому слезы льет? А Натан Баумгартен наверняка был симпатичным парнем. Правда, потом он превратился в похотливое, смердящее животное, раздирающее в клочья ее жизнь. Мама ведь любила его, она, возможно, до сих пор его любит. Но кому нужна такая любовь? Больная и ненормальная. К человеку, для которого ничего не имеет значения. Зачем любить? Где заветный счастливый конец? Всё это пол-

ная чушь.

– А у тебя есть любимая книга, Уилл? – спрашиваю я, встряхнув волосами. Мне вдруг кажется, что мы молчим слишком долго. Парень не смотрит на меня. Не оборачивается. Я не знаю, почему он затих, и придвигаюсь к нему ближе, едва не упираясь коленями в его локоть. – Так что? Умеет ли читать Уильям Гудмен?

– Да, этому меня научили еще в школе.

– Недостаточно знать, как выглядят буквы, чтобы читать книги по-настоящему.

– А эта тема – твоя любимая, верно?

– Без книг было бы трудно. Они спасают.

– Но не любовные романы. Странная ты.

– Чтобы читать о любви, в нее нужно верить.

– А ты не веришь.

– А я – нет.

– Но ты спокойно воспринимаешь Толкиена, правильно я понимаю? Несмотря на то, что все его персонажи написаны под действием сильнейших антидепрессантов.

– Фантастику не нужно принимать за правду. Это выдумка. А любовь вроде бы как реальное чувство. Во всяком случае нас пытаются в этом убедить. Терпеть не могу, когда мне вешают лапшу на уши.

– Любовь – отстой, – внезапно заключает Тэмзи. Я уже и забыла о ее существовании, но девушка напоминает о себе, вновь водрузив ноги на приборную панель. – Давайте уже

сменим тему. Меня тошнит.

– Как скажешь, Тэмми. Но что насчет тебя? – Уилл смотрит мне в глаза через зеркало заднего вида. Его радужка переливается и кажется мне сверкающей, как море поздним августом: яркое, будто освещенное луной. Биоломинесценция.

– А что насчет меня?

– Какая твоя любимая книга?

– Ты о своей ни слова не сказал.

– Я просто таинственный.

– Тогда и я сохраню название в тайне.

– Какая же ты таинственная? Ты обычная, птенчик. Только имя у тебя дурацкое. А так ничего примечательного. В любовь ты не веришь, потому что не встретила ее еще, но как только встретишь, прыгнешь в нее с головой, да еще и разобьешься.

Мне неприятно слышать его слова, но я приближаюсь к нему еще больше.

– А дымить, как паровоз, бросать умные фразочки направо и налево – ново? О таких парнях, как ты, написаны сотни книг, Уилл. И если и есть в тебе тайна, то лишь одна – в какой именно момент ты расколешься и окажешься ранимым мальчиком.

– И конечно, расколоть меня должна девушка. Верно?

– Именно. Я, может, и прыгну с утеса. Но только после того, как ты потонешь в море собственных соплей.

– Похоже на пари, – замечает Тэмзи и улыбается, глядя

на меня своими огромными глазищами. – На что будем спорить?

– Что? – Я прижимаюсь к Кори и недоуменно кручу головой. – Какое еще пари?

– Уиллу любовь не нужна, а ты в нее не веришь. Но вы оба утверждаете, что рано или поздно у вас снесет крышу, да так, что мама дорогая.

– Я не понимаю...

– У нас есть недели две или три. Потом мы расстанемся и больше никогда друг друга не увидим. Так вот, – Пол выхватывает сигарету из руки Уилла и затягивается так глубоко, что у нее слезятся глаза, – на что будем спорить? На деньги?

– На книги. Я ей скажу название своей любимой книги, а она мне – своей.

Тэмми ворчит и картинно сплевывает, а Джесси вскрикивает:

– Это самое скучное пари в мире, Уилл, давайте все-таки разбавим приз выпивкой или деньгами.

– Если эта девушка и потеряет голову от любви, ей будет чертовски паршиво. Такие, как она, не любят, а страдают. Мы будем квиты.

– Идет, – говорю я, выпрямив спину. Мои брови встают домиком, и я оказываюсь к лицу Гудмена так близко, что замечаю крохотные веснушки на его носу. – Я согласна.

Глава 4

Мы приезжаем в город на закате. Озеро поблескивает, играя с лучами вечернего солнца. Да, такое вот Эри – гигантское синее пятно, обрамленное зелеными деревьями и придавленное маджентовым горизонтом, уходящим далеко в бордово-рыжую синеву неба.

Я перекатываюсь через Кори, открываю окно и высовываю голову, вдыхая влажный воздух. Мои волосы тут же запутываются и превращаются в непослушных змей, наподобие тех, что вились у мифической медузы, но я почему-то не обращаю на это внимания.

Иногда, кстати, полезно не обращать внимания. Например, на то, что я бросила дом и уехала с незнакомцами черт знает куда. Да, конечно, рядом со мной Кори Гудмен – мой лучший друг. Но остальные.

...Во что я впуталась? Да не важно.

Зажмуриваюсь и слушаю, как свистит ветер. Машина несется по дороге, мы тут одни такие – дикие и безумные. Вокруг тихо, словно все люди вымерли, и никто не помешает нам слиться со звуками шелестящих веток, скользящих волн...

Внезапно воздух разрывается от оглушающего грохота. Распахиваю глаза и вижу самолет, раскинувшийся над нами, будто гигантская птица! Он скользит по небу и исчезает где-

то впереди, оставив после себя дымчатый след.

Мы приезжаем в аэропорт ровно в девять. Выходим из машины и становимся у правого крыла. Рокочут моторы, свистит ветер, и мигают, будто праздничные гирлянды, огоньки на посадочной полосе, а мы стоим и смотрим вперед, ожидая чего-то или кого-то.

Джесси оказывается гораздо ниже, чем я представляла. А волосы в вечернем свете у него не просто светлые, а золотисто-желтые, как колосья в Техасе. Тэмзи Пол чересчур возбуждена – у нее трясутся колени, да всё ее тело трясется, будто она жаждет чего-то так сильно, что сейчас упадет на асфальт и начнет колотить по нему кулаками, пока не получит желаемое. Руки у нее крупнее моих, а вот талия – осиная, и зависть тут же пробирает меня до костей, ведь я, скорее, квадратная, пусть и худощавая, словно иссушенный лимон.

Кори нервничает, потому что так же, как и я, ни черта не понимает. Он постукивает носком кроссовки по асфальту. Что-то мне подсказывает, что приключения – не для всех лечение от скуки и недугов. Иногда волнение порождает эти недуги. Как, например, эта нервозность Кори Гудмена: мальчика, дышащего громче, чем шумят самолеты при посадке. В этом его странном убеждении, словно случится худшее из того, что с нами вообще может случиться, и заключается суть моего лучшего друга. Он не был бы Кори Гудменом, если бы не думал по сто раз, прежде чем сказать что-то или сделать; не был бы он Кори Гудменом, если бы не стеснялся и не бо-

ялся своих же мыслей. Умные люди – трусы на самом-то деле. Они слишком много понимают, и оттого жизнь им видится не каруселью, а американскими горками, на которых катаешься непристегнутый и обреченный. Я не узнала бы его, если бы он не тарабанил пальцами по карману своих джинсов и не дергал носом, будто ему щекотно. Кори думает – как и все умные люди – и потому накручивает себя, словно прямо сейчас самолет не приземлится рядом с нами, а рухнет на землю, спикирует прямо на наши головы.

Спокойным остается только старший Гудмен. Сигарета, зажатая в его зубах, не зажжена. Она просто торчит там, будто модный атрибут, придающий ему странную авторитетность, которая только в нашем времени связана с табачным дымом, а не с характером человека. Хотя и характер у него что надо. Я уверена. Покатые плечи, но взгляд – прямой, как у ястреба. Того и гляди, сорвется с места за своей добычей. Всё это в моей голове никак не укладывается. Уильям – парень ленивый, обычный, в широченных штанах, не то чтобы мятых, но старых, словно выкраденных у пилигрима, прибывшего на Мейфлауэре. По его виду можно сказать, что в карманах у него ни цента, пусть в глазах и горит неистовый и горячий огонь, огонь какого-то безумия.

Джесси наплевать, куда его жизнь закинет, Тэмми во всем ищет выгоду, Кори, пусть наивно и глупо, тянется за своим братом, стараясь ему соответствовать, хотя совсем на него не похож. А Уилл... Он нацелен набраться впечатлений, непри-

ятностей, нацелен здесь не просто стоять, не просто быть, а дышать, смотреть, слышать, чувствовать. Он глядит на дорогу, сжимает в зубах эту сигарету, а его ленивый взгляд испепеляет, как испепеляет всё вокруг ленивое солнце.

Неожиданно к нам подходят два человека. Они похожи на крадущихся крыс, то и дело глядят по сторонам, как будто вынюхивают запах неприятностей. Ничего с ними, собственно, не происходит. Они останавливаются напротив Уилла и протягивают ему чемодан.

Я переминаюсь с ноги на ногу.

– Тут всё.

Классно! Уильям – криминальный авторитет.

– Мне стоит проверить? – Парень делает шаг вперед, плечи не расправляет, но он выше их на голову. – Шутить не будем, верно? Мы, ребята, проблем не ищем.

Только я замечаю блеск в его глазах?

– О чем ты толкуешь? Всё честно.

Они больше ничего не говорят, пожимают друг другу руки и обмениваются взглядами, а затем мы усаживаемся в «Додж» и трогаемся с места так быстро, что тормоза визжат и пыль брызжет из-под покрышек.

– И что в чемодане? – спрашивает Кори, опередив меня на несколько секунд. – Тебя ведь не угораздило влипнуть в какую-то дерьмовую ситуацию, Уилл?

– Что значит – дерьмовую? Если так рассуждать, то все ситуации – дерьмо. А я как бы провернул отличную сделку.

Я нам создаю воспоминания, ребята, и, поверьте, вы, как и я, навсегда запомните эту поездку.

– Но что в чемодане?

– Катализаторы.

– Не понял.

– Ускорители удовольствия, брат мой. – Уильям кивает Тэмми, и она поджигает его сигарету с таким важным видом, будто бы натирает зад самому папе римскому. – Ты так боишься жить, но ты ничего о жизни не знаешь. Рисковать – это не набираться проблем, а пробовать, уяснил? Если ты не откусишь кусок от торта, как ты узнаешь, какой он? А? Ну ответь мне, как? Никак, Кори, нет, черт подери! Чтобы начать жить, нужно хорошенько и отчаянно рискнуть.

– И мы сейчас все здесь рискуем?

– Да, вы рискуете хорошо провести время.

– Но...

– Хватит ныть, – обрывает их Тэмзи и встряхивает огненными волосами, – ты, Кори, как стонущая старуха. Успокойся! Что бы ни случилось, я уверена, будет приятно.

Не знаю, как реагировать. Просто молчу, прислушиваясь к тому, как перекатываются шарики в моей голове: «за» и «против». Выпрыгнуть из салона прямо сейчас или доехать до мотеля и слинять уже оттуда?

– Птенчик, на меня посмотри. – Мы встречаемся взглядами в зеркале заднего вида, и Уильям криво улыбается, отчего его сигарета едва не падает на колени. – Я своих в обиду

не дам. Ты просто знай это.

– И в какой момент я стала своей?

– Да сразу же, птенчик. Жизнь не сводит нас с кем попало. Если мы сидим с тобой в одной машине, значит, мы должны здесь сидеть. Понимаешь? К разочарованию это или к чему-то другому – это правильно.

Мы останавливаемся в мотеле на центральной улице. Заваливаемся в комнату и обнаруживаем пять вытянутых узких кроватей, сдвинутых в одну огромную постель. Я не знаю, зачем так сделали, и меня не радует мысль засыпать рядом с полуголой Тэмзи Пол. Бросаю на пол куртку, затем сумку. Джесси прижимает к себе чехол с гитарой, а на лице Уильяма читается невероятное спокойствие, будто бы мы попали в номер люкс.

– Так, делаем то, что задумали, и на вечеринку.

– А что мы задумали?

– Садись, птенчик! – Ладони у Уилла просто гигантские, и, когда они оказываются на моих бедрах, я невольно отстраняюсь, потому что боюсь находиться к нему так близко.

Мы рассаживаемся в круг. Старший Гудмен достает какие-то листочки и довольно перемешивает их в кепке. Я наблюдаю за этим скептически.

– Сейчас выбирать будем, – поясняет мне Кори, но я лишь вскидываю брови, – мы так развлекаемся, чтобы дорога веселей была, Реган. Чье имя выпадет – тот выполняет любые задания и поручения, которые остальные ему придумают. И

так до следующего города, и мы вытягиваем другое имя.

– Странные у вас развлечения.

– А тебе лишь бы по клубам ходить да шлюх снимать, да? – хохочет Уилл. – Прости, мы еще и древние, предпочитаем развлекаться как в былые времена, когда снимать шлюх не было модно.

Я корчу гримасу, а потом сжимаю пальцы в кулаки. Надеюсь, меня пронесет, потому что я не в настроении делать всё, что мне прикажут эти сумасшедшие. Я на них совсем не похожа, прыгать с утеса голышом, кричать во всю глотку и курить марихуану не смогу, да и не захочу. Сглатываю, когда Вильгельм Завоеватель достает бумажку из кепки.

Он вдруг начинает смеяться.

– Что? – распахивает глаза Тэмми. – Не может быть! Она?! Я в ауте!

– Она? – Я подаюсь вперед и вырываю листочек из его пальцев. Читаю: «Реган». Ох, ну как же так? Черт! Перевожу взгляд на Уильяма и сужаю глаза от странного чувства в груди, будто меня жутко подставили. – Серьезно?

– Это судьба, птенчик. Собираемся, давайте-давайте, нет времени, мы ведь стареем, черт вас всех дери. А вы зад свой поднять не можете.

Говоря это, он прыгает вокруг нас, как сумасшедший, эмоционально жестикулирует и спотыкается о брошенные сумки. В конце концов, он обнимает за плечи Тэмми, и она не просто становится красной, а превращается в пунцовый,

пульсирующий помидор.

– Я устала, правда, – признаюсь я, – день был долгим. Хочется отдохнуть.

– Чего хочется? – Уилл отпускает Тэмзи, она выглядит обиженной, а Кори усмехается и толкает меня плечом. – Мы не отдыхать сюда ехали, птенчик!

– Но я спать хочу.

– А ты расхоти!

– Не расхочу.

– Так, Реган. Как-тебя-там, вставай и собирайся. Я настаиваю, услышала? Это задание, и ты обязана его выполнить.

Джесси хихикает, а мой лучший друг в сдающемся жесте поднимает руки, мол, я тут ни при чем. Соппротивляюсь еще пару минут, а потом мне говорят, что в наказание мне придется бежать за машиной завтра утром, когда все двинется в путь, и Джесси подавленно признается, что уже как-то бежал за машиной, и это не шутки. Не знаю, почему в качестве протеста я не падаю на пол, ведь мне реально хочется спать. Но я соглашаюсь и принимаю душ, героически сдерживая крик в горле от вида отвратительных мухоловок на стенах.

Мы плетемся по темной улице, и люди в странной одежде идут рядом с нами. Я понятия не имею, кто это. Уилл что-то спрашивает у девушки. У нее краснючие и пухлые губы, как у местной королевы бала. Они так блестят, словно она не блеском для губ их намазала, а звездной пылью. У другой девушки широкая юбка, как у див семидесятых. Я скептиче-

ски осматриваю их, а затем вижу парня в приталенном синем пиджаке с желтым галстуком. На мне, черт подери, джинсы.

Почему тут все так странно одеты?

На улице темно, но квартал освещают люди в ярких костюмах. Ну все, кроме меня. На Кори странные штаны, а в номере я и не обратила на них внимания. Только сейчас понимаю, что они в белую полоску.

– Что тут происходит? – Я пихаю друга в бок, а он хихикает с Джесси, не обращая на меня внимания. На Джесси, кстати, белая рубашка, выпущенная из штанов и свисающая чуть ли не до колен. Волосы он расчесывал часа полтора, но добился лишь того, что торчат они не в разные стороны, а в одну. – Кто все эти люди?

С каждой минутой нас становится больше. Справа и слева в толпу вливаются незнакомцы.

Я искоса гляжу на Тэмзи. Она в той же самой майке, что вульгарно подчеркивает ее «индивидуальность». Но еще на ней юбка средней длины и туфли. Туфли! Древние какие-то, ношенные, но натертые до блеска. Я засовываю пальцы в карманы джинсов и плетусь, уже не просто сожалея о том, что пошла с ребятами, но еще и о том, что проигнорировала их возгласы вроде тех, что на мне костюм монахини. Я не думала, что они серьезно. Думала, они шутят. Теперь я сомневаюсь.

Мы спускаемся в какой-то подвал, тут пахнет потом, а еще какой-то мятой. В воздухе витают бело-серые узоры, соткан-

ные из пара, что выдыхают мужчины и женщины. Я слышу музыку, но необычную. Она не вырывается из колонок, не гремит в ушах, и когда я наконец оказываюсь в небольшом помещении, то понимаю, что музыка льется со сцены. На ней пританцовывают несколько мужчин, одежда у них мокрая от пота, кожа ярко блестит, как и глаза. Один бьет по барабанам, второй изо всех сил сжимает в пальцах гитару. По ней катятся капли, падающие с его подбородка. Третий играет на саксофоне, издеваясь над ним и мучая его, да так, что каждый, кто находится здесь, не сидит на месте, а танцует до изнеможения.

Я растерянно хлопаю ресницами.

О джазе я знаю лишь то, что от него сносит крышу. Так я, по крайней мере, думаю. Я никогда прежде не бывала в подобных клубах и если и танцевала под блюз, то дома, где никто меня не видел и никто мне не мешал слушать Beatles и причислять себя к давно забытой касте ревущего поколения.

Уильям здоровается со всеми так, будто хорошо их знает. Кричит направо и налево: да, конечно, привет, салют, а мы тащимся за ним, будто за локомотивом. Только Тэмзи Пол уверенно выходит вперед на правах главной девушки в нашей компании и не упускает возможности приблизиться к Уиллу, когда тот улыбается кому-то или пожимает руку.

Мы усаживаемся за круглый деревянный стол.

Уилл здоровается с музыкантом, который на сцене играл на саксофоне. Кожа у мужчины такая же темная, как и душа

самого Уильяма Гудмена. Они счастливо улыбаются. Уилл так жмет этому мужчине руку, что сразу понятно: он уважает его и ценит. Другой рукой он похлопывает музыканта по спине, потом накрывает их туго сжатые ладони и кивает:

– Рад встречи, Рэй Декарпентер!

– Уильям Гудмен, мальчишка, какими судьбами? – Тот взлохмачивает его волосы. – Ты ведь не просто так пришел навестить старину Рэя, верно? Что у тебя?

– Обижаешь.

– Признавайся, черт! Все знают, что ты, выбирая между безумием и джазом, предпочитаешь безумие, хотя, бог знает, это одно и то же.

– Я живу ради безумия, черт подери.

– А значит, ради блюза, мальчишка, верно? Что это у тебя? – Он смотрит на чемодан, что передали парни в аэропорту. – Тебя тут ждут, как Санта-Клауса, Уилл. Что на сей раз ты приготовил, признавайся!

Я подпираю ладонью подбородок и с интересом наблюдаю за старшим Гудменом.

Парень открывает чемодан, и я прикрываю глаза, ведь думаю, что там наркотики или что-то еще незаконное. Катализаторы удовольствия? Ну, естественно, речь идет о чем-то нелегальном и дурманящем голову.

Но Уилл достает из чемодана музыкальные пластинки. Он передает их мужчине с таким видом, словно отыскал Святой Грааль. Глаза у него искрятся.

– Это начало, Рэй, только подумай. Зарождение целой эпохи в твоих руках, у тебя в руках история, чувствуешь? Тяжело держать.

Музыкант смотрит на пластинки, а потом резко выпрямляется, будто кто-то вlepил ему оплеуху. Он глядит в глаза Гудмена.

– Шутишь, что ли?!

– Что там? – Кори приподнимается. – Что за мусор?

– Мусор? Я – старик, но драться еще умею, понял? Приструни мальчишку, Уилл. Он тут мусором короля рок-н-ролла называет! Этот мусор определил жизни тысяч людей, он и сейчас нашу жизнь определяет. Смотришь в глаза красотки и думаешь: «Я не могу не влюбиться в тебя». А потом шепчешь ей на ухо сбивающимся голосом: «Люби меня нежно», – несешься по дороге под звук его изнаывающей от усталости гитары, сбиваешь до крови ноги, вытанцовывая под ритм, когда-то стучащий в его огромном, музыкальном сердце.

– Элвис?

– Не просто Элвис. – Мужчина подходит ко мне и улыбается широко-широко, и его белоснежные зубы выделяются на фоне темного лица. – *Элвис Пресли*. Имя того человека, которого уважаешь, называй полностью, потому что в этот момент происходит какая-то магия, девочка. Ты проговариваешь его имя и становишься к нему ближе. *Элвис Пресли*.

Я хмыкаю, а старший Гудмен усмехается. На нем белая

рубашка. Он закатывает рукава.

– Выпьем?

– Спрашиваешь!

Джесси хватается за гитару и выбегает на сцену, а Рэй Декарпентер достает пластинку. Не знаю, почему Бонд побегал играть, ведь мы, похоже, будем слушать музыку с патефона? Но затем до меня доходит смысл происходящего. Когда еще сыграешь с Элвисом Пресли?

Звучит музыка, мой новый знакомый с катастрофически взлохмаченными волосами принимается играть, и я смущенно улыбаюсь.

Пластинки настолько старые, что трещат. Я слышу голос «короля рок-н-ролла», который говорит что-то между куплетами, а зал взрывается овациями, и люди не просто поют, они кричат, и я представляю, как многотысячная толпа тянет руки, чтобы дотронуться до легенды.

Тэмми вскакивает с места, прежде осушив рюмку с чем-то прозрачным, и прыгает на руки к Уильяму. Он тащит ее в центр зала, прижимает к себе и приподнимает над полом так, будто она ничего не весит. Люди танцуют, шелестят юбки, а пол дрожит от стука женских каблучков.

Кори хватается за меня за руки и тащит танцевать. Я сопротивляюсь, говорю, что посижу за столом, пока все развлекаются.

– Кори, прекрати, я не умею!

– Я тоже! – смеется друг и начинает нелепо вертеть ногами.

– О боже, я этого не выдержу, прекрати, я ослепла, слышишь? Ослепла!

Но Гудмен не обращает внимания. Берет меня за руки и так пляшет, словно собирается протереть в покрытии дыру размером с Африку. Я хохочу, а он крутит меня и тянет к себе. Мы неуклюже подпрыгиваем, много смеемся, да так, что болит живот, и представляем себя совсем другими людьми. Я забываю, что на мне эти чертовы джинсы. В воображении я машу подолом пышной юбки, пот скатывается по шее, и я слышу, как разрывается гитара, как скрипит старый патефон, и чувствую нечто такое, чего раньше никогда не испытывала: ощущаю себя частью чего-то огромного.

Потом я вновь оказываюсь в руках Кори, и он смеется так громко, что у меня закладывает уши. Я замечаю Уилла с Тэмми. В их движениях столько экспрессии, что страшно находиться рядом, наверное, поэтому вокруг них образовалось свободное пространство. Тэмзи вся пунцовая, а на лице Уильяма ни намек на усталость. Он то встает на носки, то приседает, то вспархивает, словно хочет коснуться длинными пальцами потолка.

Дым от сигар, похожий на спутавшиеся мысли, плывет над головами.

Я тру ладонями лицо и, улыбаясь, говорю Кори:

– Я выйду, подышу.

– Что?

– Выйду на улицу!

Музыка играет и горит, как костер, а люди, будто подожженные спички, светят все ярче и ярче. Пробираюсь к выходу. Ноги ноют от приятной усталости. Я улыбаюсь, ведь со мной не приключилось бы ничего подобного, если бы я не села вчера в машину к этим сумасшедшим. Поднимаясь по лестнице, сталкиваюсь с какой-то целующейся парой и обхожу ее стороной. Парень так прилип к своей девушке, что, кажется, вот-вот высосет из нее всю жизнь.

Наконец оказываюсь снаружи. Прислоняюсь спиной к стене и прикрываю глаза. Я устала, но рада, что пошла с ребятами – необычное ощущение.

– Видимо, тебе не только любовные романы не нравятся, – говорит знакомый голос, и я оборачиваюсь. Рядом оказывается Уильям Гудмен, и он, как всегда, с сигаретой во рту. – Что насчет книжек об изнасиловании?

– И что в них такого?

– В них насилуют.

– Некоторым это нравится. – Я вспоминаю о парне с девушкой, которые обжимались у входа, а Уилл почему-то игриво вскидывает брови: – И не мечтай.

– В смысле?

– Ну а что у тебя за взгляд?

– Какой еще взгляд?

– Тебе лучше знать. – Я отворачиваюсь и втягиваю в легкие прохладный воздух. Ох, как же приятно. Кожа пылает, но ветер остужает ее, и я ощущаю себя хрупкой и растаяв-

шей, как мороженое. – Я говорила о тех ребятах, что целуются у дверей. Парень не просто обнимает подружку. Похоже, он ее душит.

– Это называется страстью.

– Желание кого-то удушить?

– В некоторых извращенных фантазиях.

– Я почему-то не сомневалась, что ты так ответишь. – Я поднимаю глаза на парня, а он, к моему огромному удивлению, пристально смотрит на меня. Лицо у него в блестящих капельках, а глаза мутные и горячие. – Знаешь, я хотела тебе сказать...

– Скажи.

– Спасибо. – Гудмен сводит брови, а я торопливо объясняю: – Ты спас меня от предков, позволил поехать с вами. Я знаю, что подружка Кори не вписывалась в ваши планы.

– Благодарить меня за то, что я врезал твоему отцу? – Уилл шумно выдыхает дым от сигареты. Вид у него какой-то растерянный. – Чего ты ждала?

– В смысле?

– Ты застряла в этом городке с уродами, которые тянули тебя вниз. Но ты не рвалась наружу, ты чего-то ждала.

– Я надеялась, что...

– Надеялась, – перебивает Уилл, – на надежде далеко не уедешь. Чтобы уехать, нужно подняться с места, взять ключи и завести двигатель.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– Я много знаю о тебе – и без рассказов Кори. Ты из тех, кто чего-то стоит, но ничего не делает. Тебе разбил нос родной отец, а ты уезжать не хотела. Да ты должна была вцепиться в мою ногу и заставить меня вытащить тебя из этого дерьма.

– Ого, да ты уже выпил!

– Ага! – Уилл усмехается. – Я красноречив?

– *«Вытащить тебя из этого дерьма!»* – с выражением повторяю я и киваю. – Я тебе почти поверила. Если бы ты еще добавил: *«Человек – хозяин своей судьбы!»* – я бы вообще растаяла, серьезно.

– А ты не пьешь?

– Странный вопрос.

– Почему? Все пьют.

– Да, все. И мой отец, который разбил мне нос, как ты верно заметил.

– Так это самоотрицание?

– Нет, это нежелание походить на животное.

– Такое ощущение, что я разговариваю со своей мамой. – На лице парня появляется нахальная улыбка, и он придвигается ко мне так близко, что нас разделяют сантиметры, а может, и миллиметры. Его голубые глаза с интересом меня изучают. – Необязательно избивать дочерей после одной или двух рюмок, птенчик. Люди пьют, чтобы расслабиться, а тебе нужно расслабиться. Ты выглядишь уставшей.

– Я же сказала, день был длинный.

– Ты выглядишь уставшей от жизни.

Поджимаю губы и медленно отвечаю:

– Жизнь тоже оказалась длинной.

– Тебе и тридцати нет.

– Но мне уже хватило.

– Ничего ты не понимаешь, птенчик, – уголки его губ дрогнули, – или просто не почувствовала. От нас зависит, какая наша жизнь. И от нас зависит, нравится она нам или нет. Тебе она не нравится, потому что ты ничего не испытала. А я боюсь умереть, правда.

– Тебе нравится жить?

– Честно? Жизнь паршива, но она не перестает меня удивлять, а это я люблю.

Замолкаем на некоторое время.

– Ты назвал фамилию Рэя. Она длинная и сложная. Ты его уважаешь.

– Рэй Декарпентер – не человек, он – музыка. Живая, с ногами и руками.

– Он тебя удивил.

– Правильно, птенчик.

– Моя фамилия Баумгартен.

Уильям прыскает со смеху.

– Кошмар, птенчик. Просто кошмар. Но я ее запомню.

– Запомнишь? – Я недоуменно пожимаю плечами. – Почему?

– Мне кажется, ты меня тоже удивишь.

Глава 5

Я открываю глаза и вижу переплетение чьих-то рук и ног, слышу сопение. Так ли сложно понять, где ты находишься? Сложно. Добрые пять минут я в ужасе пялюсь на руку, покоящуюся на моем плече. Затем приходят воспоминания о прошедшем дне, и я чувствую, что нос еще болит.

Чертыхаясь, приподнимаюсь. Рука Кори падает с моего плеча, и я оказываюсь на свободе. Слезая с кровати, где, тесно прижавшись друг к другу, лежат ребята, и достаю из кармана телефон. Глупо, наверное, все это, по-ребячески, но я фотографирую смятое, как подушка, лицо Тэмзи Пол – в разных ракурсах, естественно. То близко, то далеко. Затем решаю запечатлеть заломанные руки Джесси. Ей-богу, этот парень без костей! Я смотрю на Кори и едва сдерживаю смех: его глаза полуоткрыты, как и рот, и дышит он так, словно за ним кто-то гонится. Я перемещаю взгляд на Уилла. Он поворачивается, и я боюсь, что разбудила его, но нет. Парень просто накрывается одеялом, всхлипывает и надувает губы. О господи, за такое ведь душу дьяволу можно отдать! Беззащитный и милый Уилл Гудмен, на лице которого отпечатались складки от подушки... Не хватает только нимба над головой. Я опускаю телефон и задумчиво изучаю его лицо. Уильям красивый. Странно, я замечаю это только сейчас. У него острый, заросший подбородок. Широкие плечи. Сейчас

он лишь в майке, и я вижу рельеф его рук.

Отворачиваюсь и встряхиваю головой. Чем я вообще занимаюсь?

Плетусь в ванную комнату и рассматриваю свое отражение. Черт, я уже и забыла, что у меня на переносице синюшная гематома. Папа классно постарался. Даже и не знаю, сколько должно пройти времени, прежде чем синяк полностью сойдет. Не думаю, что это серьезно, но стоило бы врачу показать.

Умываюсь и вытираю лицо каким-то сероватым полотенцем. Оно неприятно пахнет. Умываюсь еще раз и возвращаюсь в комнату с мокрым лицом. Лишь сейчас чувствую этот аромат алкоголя и сигарет. Привычный запах, который я ненавижу. Впрочем, я сама села в машину к Гудмену, так что глупо жаловаться.

Я завязываю волосы в тугий пучок и надеваю футболку, которую успела забросить в рюкзак перед отъездом. Она почти чистая, и я почти хорошо пахну. Нахожу деньги в кармане и плетусь к выходу. Мне кажется, что я должна как-то отблагодарить ребят за то, что они взяли меня с собой, пусть Уилл вчера никак и не отреагировал на мои слова.

Я бреду вдоль улицы и с интересом гляжу по сторонам. Я никогда раньше не выезжала из Янгстауна. Быть тут, а не прозябать в четырех стенах – уже чудо. Новые улицы, здания, даже небо мне кажется новым. Я запрокидываю голову и смотрю на него, улыбаясь.

Впервые я ощущаю себя свободной.

Я направляюсь в магазин и тщательно изучаю еду, словно собираюсь готовить званый ужин. На самом деле денег у меня мало, и я покупаю лишь печенье и мятные конфеты.

Вернувшись в номер мотеля, я обнаруживаю, что все пять смещенных кроватей опустели. Джесси что-то ищет в вещах, Уилла и Тэмми не видно, как и Кори.

– Привет! – Я закрываю дверь и кладу на столик печенье. – А где все?

– Уилл и Тэмми моются, а Кори пошел за машиной.

Киваю, а затем вскидываю брови.

– Что делают Уилл и Тэмми?

– Моются.

– Но ванна одна...

Джесси выпрямляется и пожимает плечами:

– Ну да.

Трудно разговаривать с человеком о том, что тебе представляется диким, но для него воспринимается спокойно. Я еще раз киваю и сажусь на кровать, подогнув под себя ноги. Уилл и Тэмми вместе? Странно. Не секрет, что Пол тянется к парню, как будто он центр ее вселенной, магнит, огонь или... Что там еще говорят, когда описывают безнадежно влюбленных девчонок? Но Уильям на нее даже не смотрел. Что ж, придется признать, что этому парню действительно всё равно, с кем отрываться.

Не знаю, почему я чувствую себя сбитой с толку. Интриж-

ки вполне в стиле Уилла.

Достаю конфету и прожевываю ее, прожигая взглядом дверь ванной. Черт подери, я ощущаю себя неловко. Мы тут с Джесси вещи разбираем, а Уильям с Тэмзи намыливают друг другу спинку. И не только спинку.

– Тебя это пугает, верно? – неожиданно спрашивает Джесси Бонд. – То, что мы творим? Но ты еще ничего и не видела, Реган.

– Ты про совместный душ?

– У тебя ведь бывают безумные идеи?

– Ну да.

– Они приходят к тебе в голову, и ты о них забываешь. Верно? А Уилл никогда не откладывает их в дальний ящик. Едва ему фигня в голову взбредет, он тут же ее осуществляет, не думая, – просто делает.

– Я не против. Это его дело.

– Верно. Просто странно. Он странный.

– Пожалуй, – соглашаюсь я и с интересом смотрю на Бонда: фамилия у него, как у агента 007, но похож он на тихоню. Милый и добрый, совсем мальчик, ничего не знающий о жизни. Но я помню, как вчера он стоял на сцене, как гитара рычала в его руках. – Откуда ты знаешь Уилла?

– Он подобрал меня после концерта. Я шлялся по улице, Гудмен оказался рядом.

– Почему ты шлялся по улице?

– Парни меня кинули.

– В смысле?

– Концерт был наш. Группа «Смертельная лихорадка», слышала?

– Прости, нет.

– Не извиняйся, никто не слышал. Я просто хотел убедиться. – Парень сел рядом со мной и взъерошил длинные кудрявые волосы. – Мы выступали в небольшом клубе, я отошел попить, а когда вернулся – ребята испарились. Я выбежал на улицу – тачки нет. Тогда я и встретил Уилла. Он сказал, что видел, как парни укатили из клуба.

– О, Джесси, – я съезживаюсь, представляя эту картину, – мне жаль.

– Да брось, они те еще кретины. Им не нравились мои песни. Сейчас люди не умеют говорить. Для этого в глаза нужно смотреть. Вот они и бросили меня.

– Уилл вовремя оказался рядом.

– Да, у него будто встроено инопланетное моджо, и он чувствует, когда нужно рядом с человеком очутиться, чтобы спасти его. История с Тэмми тоже ведь невеселая, да и ты, у тебя отец – ублюдок. Так что Уилл, мать его, святой какой-то.

– А что с Тэмми?

Неожиданно дверь ванной распахивается, и показывается Тэмзи. Ее фигуристое тело обернуто полотенцем. Она проходит мимо меня и усмехается, словно я сказала что-то смешное. Но я ведь молчала. Не понимаю.

Девушка сбрасывает с себя полотенце. Тихо напевая что-

то себе под нос, Тэмзи роется в сумке, а я оторопело гляжу на нее и раскрываю рот, чтобы отвесить какое-то замечание, но слова застревают в горле.

Следом выкатывается Уильям. К счастью, на нем растянутые штаны. Уже лучше. Не смотрю на Тэмми, а он смотрит. Хихикает и закатывает глаза:

– Зад отморозишь, Тэмми.

– Чего не сделаешь ради тебя, котик.

Только сейчас я замечаю, что волосы у девушки не красные, а зеленые. Черта с два! Я встряхиваю головой и восклицаю:

– Ого!

– Так впечатлил мой зад? – интересуется Тэмзи, натягивая белье.

– У тебя волосы зеленые! Даже бирюзовые какие-то.

– Я знаю.

– Знаешь?

– Да, я перекрашиваю их, когда меняется настроение.

– И какое же у тебя сейчас настроение, раз волосы похожи на водоросли? – Джесси покачивает головой. – Ты как русалка, милая моя. Морская нимфа.

«Морское чудовище», – почему-то думаю я. Не понимаю, что движет такими людьми. Это ведь не смелость, а чистой воды безумие.

– Машина готова, – врываясь в комнату, сообщает Кори. Выглядит он всполошенным и невыспавшимся. – Доброе

утро. Куда ты пропала?

– Я в магазине была.

– Ого, чего ты раньше молчала? – восклицает Уильям и в один прыжок оказывается рядом. Я протягиваю ему печенье, и в глазах у него вспыхивает почти детская радость.

– Любишь печенье?

– Люблю еду. Особенно бесплатную.

– Да, халява – это всегда круто, – без особого энтузиазма шепчу я и почему-то гляжу на Тэмми. Так ли круто встречаться с девушкой, которую не надо добиваться? Которая будет рядом, даже если ты в ней не нуждаешься? Возможно, для парня это удачная сделка. Но я не понимаю таких девушек. Да, в любовь я не верю, но верю в уважение. Но как человек станет тебя уважать, если ты сама себя не уважаешь? – О чем задумалась, птенчик?

– Ни о чем.

– Ты еще и лгунья.

Я не отвечаю. Пожимаю плечами и поднимаюсь с постели. Надо проверить, забросила ли я зарядку от телефона.

– Слушайте, мы ведь выбираем несчастного-слугу-беднягу каждый раз, когда едем в новый город, верно? – вдруг спрашивает Кори и замирает в центре узкой комнаты. – Так, может, и сейчас перетасуем карточки. Реган – новенькая в компании.

– И что? – непонимающе спрашивает Тэмзи. – Она навсегда новенькой останется. Теперь ей, что ли, не играть с нами

в несчастного-слугу-беднягу?

Я не показываю, что ее слова задели меня. Почему навсегда останусь новенькой? Я ведь не первая, кто внезапно ворвался в их компанию. Они так и с Джесси познакомились, и с Тэмми, скорее всего. Я киваю Кори.

– Да, я не прочь сменить игрока.

Друг улыбается мне.

– Это неудивительно, – замечает Тэмми, – ты трусливая.

Боишься всего подряд.

– С чего это я трусливая?

– А что – нет?

Я собираюсь ответить, но рядом оказывается Уилл и размахивает руками в стороны.

– О'кей, перетасуем. Я не против, Кори прав: птенчик – новенькая. Дадим ей еще один шанс, договорились? – Он достает из сумки кепку с листочками. – Ты ведь не обидишься, Тэмми?

– Да наплевать мне.

– Какая ты злая.

– Несколько минут с тобой в ванне меняют человека. –

Она подмигивает Уиллу, и в этом ее пошлом жесте столько же эротики, сколько во мне жира. Уж больно нелепо она выглядит, когда пытается флиртовать. Есть девушки, о которых пишут романтические истории, а есть те, о которых пишут садомазохистские сказки о плетках и наручниках. Я причисляю Тэмзи ко второму типу.

– Что ж, перемешиваю еще раз.

Уильям копается рукой в кепке, достает бумажку и громко произносит:

– *Реган.*

– Что?! – восклицаю я одновременно с Кори и подаюсь вперед. Не могу поверить! Что за несуразица? – Да ты шутишь, наверное! Опять я?

– Не опять, а снова, – хохочет парень и протягивает мне листочек, – видимо, это твоя судьба, птенчик. Прости. Я сделал всё, что мог.

Свожу брови и наблюдаю, как Тэмми покатывается от смеха, а Джесси робко улыбается, будто бы ему меня жаль. Классно, мне себя тоже жаль.

– Это чушь какая-то, ребята. Что вы задумали?

– Ничего мы не задумывали. Чего ты наговариваешь? Такое бывает. Лучше смирись и возьми мои сумки. – Тэмми довольно улыбается. – И еще, если ты не против, а ты не можешь быть против, постирай мою майку, пока мы еще не уехали. Мне вчера было плохо, когда мы вернулись из клуба.

Я хочу кинуться на нее с кулаками и не сразу понимаю, что действительно срываюсь с места. Однако Кори перехватывает меня на полпути и обнимает.

– Тише, Реган, она шутит.

– Нет, вообще-то, – говорит Тэмзи, – а будешь злиться, еще и колготки постираешь.

Трудно поверить, но я действительно стираю ее вонючую

майку. Но, стирая, думаю, как отыграюсь на ней, едва придет время. Вот же стерва. Придумаю нечто такое, отчего ей крышу снесет. По моему лицу скользит коварная улыбка, я отжимаю майку в зеленоватую раковину, потому что эта идиотка покрасила себе волосы в бирюзовый цвет.

– Безмозглая стерва, – рычу я и неожиданно смеюсь. Черт! Она ведь реально ходит с зелеными волосами! Дурдом.

Глава 6

Мы едем с открытыми окнами. Джесси бренчит на гитаре, Кори вытягивает ноги, а я сижу у окна, опустив подбородок на сложенные в замок руки.

Зеленые бесконечные поля проносятся с невыносимой скоростью, и остается лишь их запах, лишь видение, смазанное и прекрасное, как и чувство в груди. Иногда мне кажется, что жизнь наша такая же смазанная, она несется как сумасшедшая. Дети хотят вырасти, а взрослые мечтают замереть или же проснуться молодыми. Сначала время тянется, словно засахаренный мед: медленно и раздражающе тягуче. Затем что-то меняется, время будто решает прислушаться к тебе и набирает обороты. На первых порах ты рад таким мнимым изменениям, но потом начинаешь спотыкаться, падать, разбивать локти, колени, бежать всё сложнее и сложнее, дыхание сбивается, в глазах двоится и смазывается, и нет в тебе уже прежней радости. Ты стареешь. И ты понимаешь, что жизнь подходит к концу, а ты так и не успел пожить.

Никогда бы не подумала, что окажусь в машине с незнакомыми людьми, что буду нестись навстречу неизведанному, в погоне за теми самыми ощущениями, которых у меня никогда не было. Но что моя жизнь без этого приключения? Что я вспомню, что расскажу своим детям, если они у меня будут? Что мой отец – алкоголик? Что жизнь моей матери

– не жизнь вообще, что мое детство прошло в тумане. В тумане от сигарет, что курил отец. В тумане от слез, что застилали глаза. Мне нечего рассказать. Хорошего, точно. О плохом мне много известно. А вот воспоминаний о выходных, проведенных с родителями дома, когда дворы завалены снегом, а школы закрыты, у меня нет. Нет у меня и того, что радовало бы. Я вдруг усмехаюсь. Нет, меня, конечно, радовало, когда отец домой не возвращался после посиделок в баре. Или нет – когда возвращался, но не бил меня. И опять-таки нет. Когда он возвращался, бил меня, но не сильно. Наверное, именно это меня и радовало. Но разве таким делятся? Разве это счастливые воспоминания?

Я распускаю волосы и встряхиваю ими. Мы несемся по прямой дороге уже часа три, и день набирает обороты, как и жара, спускающаяся на землю. Трава уже не зеленоватая, а скорее рыже-желтая. Затем в окне мелькают поля такого же золотистого цвета, как и кудри на голове Джесси. Его пальцы скользят по струнам гитары, и он поет очень тихо, но я слышу, как и Кори, и Тэмми, и Уилл.

Ты знаешь? С каких-то пор тут всё катится к черту.
Хотелось бежать от людей, суеты.
Свобода – как желание быть мертвым
В поисках себя и света, что в конце пути.

Голос у Джесси приятный. Гляжу на него и представляю, как выглядел он один, посреди темной улицы в поисках дру-

зей, которые его кинули. Сердце екает, и к горлу подскакивает горечь, будто знаю я Джесси не день, а целую вечность. Я придвигаюсь ближе к ребятам и кладу голову на плечо Кори. Он тут же обхватывает меня за талию и прижимает к себе.

– Реган, отними у Бонда гитару, – неожиданно приказывает Тэмзи и прикрывает лицо ярко-красной банданой, – иначе я выкину ее в окно.

– Он классно поет, – вступаюсь я, – выпей таблетку, котик.

– Что?

– У тебя ведь эти дни, кажется.

Уилл прыскает и бросает взгляд в зеркало заднего вида. Мы с ним опять смотрим друг на друга, я вижу, что в его глазах больше нет предубеждения, теперь там интерес и ожидание. Мне это нравится, я хочу встретиться с ним взглядом.

– Что ты сказала? – восклицает Тэмзи и разворачивается. – Ты страх потеряла?

– Нет.

– Что значит нет?

– Нет значит нет, Тэмми.

– Это мое желание.

– Да ладно тебе, – встречается Кори, – Джесси круто играет. Джесси, ты круто играешь.

– Спасибо, старик.

– Мне наплевать. Я хочу включить музыку. Мы плетемся уже три часа по жаре, и от его гитары у меня в ушах звенит. Давайте сменим пластинку.

– Что не сделаешь ради тебя, морская нимфа, – соглашается Бонд и убирает гитару за спину – там багажник, закрытый пологом. На самом деле багажное отделение – огромный кузов, и туда поместились бы не только вещи Джесси, но и сам Джесси, и мы все, вместе взятые.

– Птенчик.

– Да?

Я придвигаюсь к Уильяму и упираюсь подбородком в спинку его кресла.

– Назови число от одного до восемнадцати.

– Столько раз мне придется делать тебе комплименты?

– Столько километров тебе придется бежать, – сухо сообщает Тэмми. Кажется, я ей совсем не нравлюсь.

– Нет, без подвоха, обещаю. Просто назови.

– Ладно. Восемнадцать.

– Тэмми, достань диски и отсчитай восемнадцатый. Нам ведь нужно музыкальное сопровождение, верно? Может, и в ушах у тебя звенеть перестанет.

Девушка недовольно цокает языком, но вытаскивает из бардачка стопку дисков. Пересчитывает их и косит на меня обсидиановыми глазами, будто из-за меня у нее неприятности.

– Восемнадцать, – выдыхает она и усмехается: – Ох, нам повезло, у нас прибавление в лице «великолепной четверки».

Тэмми тепло улыбается Уиллу, когда тот вставляет в магнитоу диск, и из колонок льется громкое и тихое, родное

и чужое, далекое Help в исполнении The Beatles. Уилл кивает головой в такт, Тэмми трясет волосами, Кори и Джесси играют на воображаемых гитарах. Понимаю, что не хватает барабанной установки, и начинаю молотить руками по воздуху, довольно и широко улыбаясь. Слова песни – гимн потерянного подростка и вообще одинокого человека. Все сначала думают, что им никто не нужен, а затем жизнь сваливается на плечи – и до нас доходит, что должен быть близкий человек рядом, который сжал бы твою руку и сказал, что всё обойдется. Говорят, люди живут ради карьеры, ради денег и успеха, но так живут лишь те, кто разочаровался в жизни. Ведь едва ты находишь того самого человека, едва он сжимает твою руку, остальное теряет смысл. Очень часто внешними успехами мы пытаемся заглушить внутреннее поражение. Не стоит ставить крест на человеке, который пашет на работе, не сидит на месте. Возможно, ему просто нужна помощь, нужен тот, кто возьмет его за руку и никогда больше не отпустит.

Начинается быстрая мелодия, и мы уже не просто танцуем, а рискуем раскочевать машину. Тэмзи водит руками в воздухе, они буквально тонут в дыме от сигарет, плавают в нем и пропадают. А Кори хохочет, когда Джесси прижимается к нему спиной и поднимает ноги, продолжая играть на воображаемой гитаре.

В этот момент Уильям вдруг восклицает:
– Приехали.

Он резко поворачивает руль, колеса визжат по нагретому асфальту. Мы останавливаемся на обочине, и Уилл, сделав музыку невыносимо громкой, выпрыгивает из салона. Мы идем за ним, будто безумные. Даже не спрашиваем, что происходит, что мы делаем. Просто вываливаемся из машины и пляшем под палящим солнцем, до боли натирая ноги, которые начинают гудеть от диких танцев.

В этот момент смеется даже злая Тэмзи Пол, хохочет даже зажатый Кори Гудмен. Думаю, в такие моменты все плюют на приличия и просто получают удовольствие. Мы поднимаем пыль и топчемся в ее облаке, резвясь, словно дети. Я не помню, как оказываюсь рядом с Уильямом, как он подхватывает меня и кружит, кружит, кружит. И как мелодия становится другой, я тоже не помню. Я просто смотрю в глаза Уилла, который до сих пор обнимает меня, и слышу, как колонки хрустят от музыки, как великолепная четверка поет: *«Всё, что тебе нужно, – это любовь»*.

– Ты никогда не окажешься там, где быть не должна, – говорит Уильям, щурясь от яркого солнца. В его глазах прыгают огоньки. – Слышишь? Это не я говорю, а парни, которые давно умерли, но они знали толк в жизни.

– Ты сумасшедший, Уильям Гудмен.

– Ты назвала меня полным именем?

– Да.

– Я тронут, птенчик.

Ничего он не тронут, а притворяется, но я почему-то сму-

щаюсь. Отталкиваю его от себя и иду к Кори. Прыгаю ему на спину, и мы с ним носимся около машины, распрямив руки в стороны. Мы – птицы, и мысли о том, что мы – птицы, доказывают, что мы еще и свихнувшиеся.

Потом мы едем в Сиракьюс, сохраняя на лицах безмятежное выражение, будто сделали нечто незаконное, но очень и очень занятное.

У Кори горячая кожа, а у Уилла она и вовсе красная. Тэмми предлагает ему крем, но он отказывается, отмахнувшись рукой.

– Сколько еще до Сиракьюса? – спрашивает Джесси и поправляет пожар из волос.

– Чуть больше трехсот километров.

– Отлично. А мы остановимся?

– Мы только что останавливались.

– Ну, тогда я еще не знал, что хочу отлить.

– А теперь знаешь? Чувак, потерпи до заправки.

– А когда заправка?

– Минут через тридцать.

– Через тридцать? Ну ладно, потерплю.

Мы проезжаем три столба, два засохших деревца и одну рекламную вывеску, когда Джесси говорит:

– Вообще-то мне сильно хочется.

– Заладил! Неужели нельзя потерпеть?

– Ну да, я бы не просил, если б не сильно. Я туда и обратно, честное слово, просто я не выдержу и отолью прямо

здесь, а ты ведь разозлишься, Уилл.

– Только посмей!

Мы вновь останавливаемся, и Джесси выкатывается из машины. Мне почему-то смешно: бывает же – приспичит.

– Ты любишь свою машину, – говорю я Уиллу.

– Я думаю, что даже тот, кто терпеть не может свою машину, не позволил бы подобного. Ну это только мои предположения.

– Вообще-то он помешан на своей машине, – говорит Кори, – за руль никого не пускает. Сиденья до блеска чистил, будто одержимый, прежде чем мы выехали из дома.

– Еще одно клише, мистер Гудмен.

– Да, я банален, – отрезает Уилл, хлопнув ладонями по рулю, – я в дороге большую часть времени. Трудно не любить машину, когда она превращается в дом.

– И от кого же ты бежишь?

– Кто тебе сказал, что я бегу?

Уильям отворачивается, смотрит в окно, а я хмурюсь. Как наши шутки вдруг переросли в серьезный разговор? Мне показалось, или Уилл отвернулся, чтобы не смотреть мне в глаза?

Джесси возвращается, мы трогаемся, но меня не покидает ощущение, будто парень что-то скрывает, что-то таит в себе, перемалывает раз за разом. Что-то такое, из-за чего он пустился во все тяжкие, исчез из жизни родителей; из-за чего он перестал быть парнем из Янгстауна, а превратился в ле-

генду с обочины.

Мы останавливаемся на заправке в половине второго. Солнце жарит безжалостно, и у меня двоится в глазах. Я жутко хочу пить, сменить одежду, попасть под дождь, но понимаю, что могу лишь мечтать о холодном душе. Дорога плавится и извивается, играя с нашим зрением. Мы прячемся в тени, присаживаемся около стеклянной витрины и глядим друг на друга – измотанные и уставшие.

– Нужно в магазине воды купить.

– И мороженого бы.

– Нет, – Уилл качает головой, – денег впритык, никаких излишеств.

– Тогда только воды.

– И заправиться еще надо.

Мы переглядываемся и бредем кто куда. Я иду рядом с Кори, навалившись на него всем телом. Хочется очутиться в кровати, а не на заднем сиденье «Доджа».

Мы гуляем по небольшому магазину, не собираясь ничего покупать, просто бездумно идем, пытаюсь размять затекшее от долгого сидения тело.

– Когда Уильям впервые уехал из города? – спрашиваю я, надеясь, что друг не расслышал в моем голосе интерес.

– После школы. Он ведь был отличником, а потом что-то в голову ему стукнуло, и он просто пропал. Появлялся изредка с новостями: то деньги нужны, то татуировку себе набил, то экзамен не сдал.

– Но что случилось-то?

– У него спроси.

– Вряд ли он ответит.

– Просто Уилл любит свободу. – Кори берет бутылку с ледяной водой, потом ставит ее на место. – А мама давила на него, хотела, чтобы он здесь корни пустил, а не просто отсиживался.

– Здесь – это в Янгстауне?

– Ну да.

– Уилл и его корни? Разве что корни волос. – Я усмехаюсь. – Не представляю его без сигареты в зубах. Такому парню семья нужна лишь для прикрытия, чтобы по ночам летать на байке по безлюдным окрестностям.

– Вы сдружились, – Кори хлопает меня по плечу и улыбается, – я думал, будет хуже.

– Хуже? По-моему, Тэмми хочет свернуть мне шею.

– Именно.

– Я смотрю, ты счастлив.

– Просто Тэмми, как и я, видит, что вы хорошо общаетесь. Смотрите друг на друга и фразочками умными перекидываетесь.

– У вас массовая галлюцинация.

– Или у вас взаимное притяжение.

Я собираюсь ответить, но неожиданно замечаю, как «Додж» свирепо газует, да так, что свистят покрышки, и срысывается с места. Гляжу через стекло витрины на то место, где

только что стоял наш автомобиль. Трясу головой и сглатываю подкативший к горлу комок.

– Кори, – дергаю я друга за рукав, – Кори, кажется, ребята уехали.

– Что? – переспрашивает он.

– Кто уехал? – интересуется Тэмми. Когда она оказалась рядом?

– Кто-то разве уезжал? – крутит головой Джесси.

– Что вы несете? – возмущается Уильям. Мы переглядываемся и понимаем, что у нас только что угнали машину.

– Черт! – кричит Уилл и срывается с места. Бутылки с водой валяются из рук Тэмми, я стою с раскрытым ртом, а Джесси изрекает:

– Кажется, у нас проблемы.

Глава 7

Мы выбегаем из магазина. Я прирастаю к месту, увидев Уилла, который держится руками за голову и громко рычит. Он в ярости кидается на автомат с кофе и чаем. В эту минуту я вижу перед собой не прежнего нахального Уильяма Гудмена, а дикого зверя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.